

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Южно-Уральский государственный университет»
(национальный исследовательский университет)
Факультет «Юридический»
Кафедра «Уголовное право, криминология и уголовно-исполнительное право»

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ
заведующий кафедрой,

к.ю.н., доцент

И.М. Беляева
10.06 2016 г.

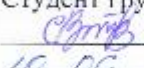
Уголовная ответственность лиц с психическими аномалиями

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ФГБОУ ВПО «ЮУрГУ» (НИУ) – 030900.62.2016.415ВКР

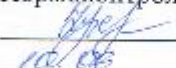
Руководитель работы,
доцент кафедры

Н.И. Щипанова
10.06 2016 г.

Автор работы,
Студент группы Ю-415

В.В. Снегирева
10.06 2016 г.

Нормоконтролер, преподаватель

Т.В. Кухтина
10.06 2016 г.

Челябинск 2016

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Южно-Уральский государственный университет»
(национальный исследовательский университет)
Факультет «Юридический»
Кафедра «Уголовное право, криминология и уголовно-исполнительное право»
Направление 030900.62 «Юриспруденция»

УТВЕРЖДАЮ

И.о. заведующего кафедрой,
к.ю.н., доцент

 И.М.Беляева

08.09 2015г.

ЗАДАНИЕ

на выпускную квалификационную работу студентки
Снегиревой Валерии Валерьевны
группа Ю-415

- 1 Тема работы: «Уголовная ответственность лиц с психическими аномалиями»,
утверждена приказом по университету от «15» апреля 2016 г. № 661
- 2 Срок сдачи студентом законченной работы «01» _____ 201__ г.
- 3 Исходные данные к работе Уголовное законодательство, монографии, учебники, научные статьи, материалы судебной практики _____
- 4 Перечень вопросов, подлежащих разработке
Понятие и критерии невменяемости
Понятие и значение ограниченной вменяемости
Понятие и виды принудительных мер медицинского характера
Меры безопасности в зарубежных странах
- 5 Иллюстративный материал
в данной теме иллюстративный материал не предусмотрен
- 6 Дата выдачи задания «05» сентября 2016 г.

Руководитель, доцент кафедры

 Н.И. Щепанова

Задание принял к исполнению

 В.В. Снегирева

КАЛЕНДАРНЫЙ ПЛАН

Наименование этапов выпускной квалификационной работы	Срок выполнения этапов работы	Отметка о выполнении руководителя
Введение	май 2016	
Глава первая	декабрь 2015	
Глава вторая	март 2016	
Заключение	май 2016	
Библиографический список	май 2016	

Заведующий кафедрой, к.ю.н., доцент

И.М.Беляева

Руководитель работы, доцент кафедры

Н.И. Щипанова

Студент

В.В. Снегирева

АННОТАЦИЯ

Снегирева В.В. Выпускная квалификационная работа «Уголовная ответственность лиц с психическими аномалиями»: ФГБОУ ВПО «ЮУрГУ» (НИУ), Ю-415, 94 с., библиогр. список - 60 наим.

Целью квалификационной работы является стремление комплексно раскрыть проблемы, связанные с изучением преступного поведения лиц с психическими аномалиями, а также такие правовые категории как, вменяемость, невменяемость, уголовная ответственность, ограниченная или «пограничная» вменяемость и др.

Объектом исследования выступают особенности и закономерности общественных отношений, возникающих в процессе применения института уголовной ответственности лиц с психическими аномалиями, специфика их уголовно-правовой оценки, их место, роль и значение.

Задачи данного исследования – изучить теоретические основания вменяемости, невменяемости и ограниченной вменяемости; изучить сущность уголовно-правового значения категорий вменяемости, ограниченной вменяемости и невменяемости, их места в уголовном праве; исследование спорных, дискуссионных вопросов в данной сфере; выработка понятий вменяемости, невменяемости и ограниченной вменяемости; проведение анализа существующей практики применения мер безопасности в зарубежных странах.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	6
1 ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПСИХИЧЕСКИХ АНОМАЛИЙ	
1.1 Понятие и критерии невменяемости	9
1.2 Понятие и значение ограниченной вменяемости	53
2 УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЛИЦ С ПСИХИЧЕСКИМИ АНОМАЛИЯМИ	
2.1 Понятие и виды принудительных мер медицинского характера.....	66
2.2 Меры безопасности в зарубежных странах.....	74
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	84
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	88

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях на пути построения в России правового государства возрастает интерес к проблеме изучения личности лица, совершившего преступление, в том числе, лица, имеющего отклонения в психике. Это обусловлено разными причинами.

Количество лиц с психическими расстройствами, совершивших преступления, ежегодно остаётся весьма значительным и в общей массе преступников составляет от 20 до 50-60%.¹ По данным О.Д. Ситковской, доля лиц, признанных вменяемыми, но имеющих выраженные психические расстройства, среди всех лиц, направляемых на экспертизу, ещё выше – около 65%.² Имеются сведения и о том, что, например, в 2006 году каждый пятый испытуемый с психическим расстройством, не исключаяющим вменяемости, и направленный в места лишения свободы, обнаруживал умственную отсталость.³ Тревожной тенденцией следует признать и то, что в последнее время фиксируется высокий рост преступлений, совершаемых рецидивистами, имеющими психические отклонения, и преступлений, совершаемых несовершеннолетними с расстройствами психики. Соответственно, складывающаяся практика привлечения к уголовной ответственности субъектов с дефектами психического развития требует глубокого осмысления. Указанное обстоятельство не только беспокоит, но и требует приложения дополнительных усилий со стороны государства, ученых юристов и психиатров, а также практиков по дальнейшему его изучению и осмыслению с позиций науки уголовного права и судебной психиатрии, более углубленного исследования лиц с психическими

¹ Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступное поведение и психические аномалии. – М.: Норма, 1998. – С.6.

² Ситковская О.Д. Психологический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. – М.: Зерцало, 1999. – С. 29.

³ Николаева Т.Н. Клинико-социальные характеристики лиц с умственной отсталостью, к которым была применена ст. 22 УК РФ. – М.: Спарк, 2006. – С. 5.

расстройствами, не исключаяющими вменяемости, и вопросов уголовной ответственности в связи с совершением ими преступлений.

При этом психические расстройства у аномальных субъектов преступления приобретают не только уголовно-правовое значение, поскольку не отрицается их связь с преступным поведением лица в той или иной конкретной ситуации или обстановке, в настоящее время, с точки зрения медицины (судебной психиатрии), требуют своего дальнейшего уточнения.

Но, к сожалению, обновленное законодательство оказалось не свободным от существенных недостатков. Ряд из них затрагивает принципиальные и важные аспекты принудительного лечения, в результате чего отдельные соответствующие законодательные нормы даже менее удачны, нежели соответствующие нормы законодательства.

Россия присоединилась к таким международным пактам, положения которых считаются, согласно Конституции Российской Федерации, приоритетными, как "Хартия прав человека", "Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод" и, что для данного исследования представляет особое значение, "Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания". Названные документы предполагают учет психофизиологических особенностей человека в случае репрессивного или иного принудительного воздействия на него, что невозможно без изучения соответствующих детерминант.

Влияние расстройств психической деятельности на преступное поведение постоянно привлекает внимание исследователей. Появилось немало работ в этой области, которые специально посвящены роли психических аномалий в преступном поведении, взаимосвязи аномалий с отдельными видами такого поведения, их влиянию на мотивацию преступных действий. В связи с чем, можно выделить фундаментальные работы таких авторов как Ю.М. Антояна, Я.М. Браинин, С.В. Бородина, П.А. Голумб, П.С. Дагель, Н.Г.

Иванова, И.И. Карпец, С.Г. Келина, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, В.М. Курляндского, Н.С. Лейкиной, Р.И. Михеева, Г.В. Назаренко, В.С. Орлова, В.Г. Павлова, А.Н. Трайнин и др.

Рост числа преступлений лиц с психическими аномалиями сигнализирует об актуальности предмета исследования дипломной работы и в аспекте профилактики преступлений. Ведь уже более 200 лет тому назад сформулировано известное положение о том, что лучше предупредить преступление, чем быть вынужденным наказывать за него.

Целью настоящей работы является стремление комплексно раскрыть проблемы, связанные с изучением преступного поведения лиц с психическими аномалиями, а также такие правовые категории как, вменяемость, невменяемость уголовная ответственность, ограниченная или «пограничная» вменяемость и др.

Реализация указанных целей потребовала решения следующих основных задач:

- ✓ исследование теоретических оснований вменяемости, невменяемости и ограниченной вменяемости;
- ✓ исследование сущности и уголовно-правового значения категорий вменяемости, ограниченной вменяемости и невменяемости, их места в уголовном праве;
- ✓ исследование спорных, дискуссионных вопросов в данной сфере; выработка понятий вменяемости, невменяемости и ограниченной вменяемости;
- ✓ проведение анализа существующей практики применения мер безопасности в зарубежных странах.

При написании выпускной работы использовались материалы уголовных дел, приговоры суда, а также данные ряда криминологических и социально-правовых исследований, статистические данные.

Структура работы состоит из введения, двух глав, четырех параграфов, заключения, библиографического списка.

1 ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПСИХИЧЕСКИХ АНОМАЛИЙ

1.1 Понятие и критерии невменяемости

В науке уголовного права обоснованно считается, что невменяемость относится к числу до конца не изученных и во многом дискуссионных проблем¹. От решения данной проблемы зависит понимание целого ряда взаимосвязанных с ней категорий уголовного права, а также судебной психиатрии, поскольку, как указывалось выше, невменяемость относится к числу комплексных проблем и находится на стыке сразу нескольких наук.

Согласно ст. 20 УК РФ, невменяемое лицо не подлежит уголовной ответственности. Психиатрами отмечается, что невменяемым присущи следующие особенности:

а) наличие бредовых идей и галлюцинаций во время совершения убийств или других посягательств против личности (чаще всего при шизофрении);

б) неспособность понять фактический характер и социальную опасность своих действий при совершении посягательств на чужое имущество и общественный порядок (недомыслие, присущее олигофренам);

в) значительное ослабление контроля над своими инстинктами, чаще всего сексуальными влечениями, что ведет к совершению насильственных действий сексуального характера и развратным действиям в отношении малолетних;

г) аффективные нарушения в виде эмоциональной тупости, типичной для шизофрении. Подобное состояние обуславливает совершение посягательств против личности и общественного порядка;

д) истинное отсутствие мотивов в состоянии нарушенного сознания (сумеречное сознание, патологическое опьянение) при совершении импульсивных общественно опасных действий против личности.

Как видно из приведенного перечня особенностей, характерных для

¹ Назаренко Г.В. Уголовно-релевантные психические состояния лиц, совершивших преступления и общественно опасные деяния: Монография. – М.: Ось-89, 2001. – С. 74.

невменяемых, такие лица, чаще всего, совершают преступления насильственного характера против личности и её имущества. К таким результатам также привело анкетирование, проведенное среди практических работников правоохранительных органов и психиатрических учреждений. Так, по мнению почти двух третей опрошенных (202 из 266 опрошенных или 75,9%) заявили о том, что психопатические черты личности более всего проявляют себя в насильственных преступлениях¹.

Наряду с этим, исследователи проблем невменяемости (как юристы, так и представители медицины) склоняются к мнению о том, что "при всей несомненности того, что психические аномалии могут иметь криминологическое значение, они не выступают причиной преступного поведения"², и что "прямой зависимости между характером криминального акта и особенностями психопатической структуры личности нет"³.

Проведенное изучение современных взглядов относительно понятия "невменяемость", его содержания и критериев ещё раз подтвердило, насколько дискуссионной и до конца не решённой проблемой оно является. В науке утверждается, что "невменяемость представляет собой противоположное понятие вменяемости, которое по отношению к последнему предусмотрено в уголовном законе"⁴. Однако данное представление, как мы полагаем, ошибочно. При изложении вопросов, посвященных вменяемости, в настоящем исследовании показано, что вменяемость не представляет собой антипод невменяемости и что эти понятия зеркальным отражением друг друга не являются.

В. Г. Павлов полагает, что "невменяемость представляет собой различные виды болезненных психических расстройств лица, которое во время

¹ Назаренко Г.В. Уголовно-релевантные психические состояния лиц, совершивших преступления и общественно опасные деяния: Монография. – М.: Ось-89, 2001. – С. 74.

² Антонян Ю.М., Бородин СВ. Преступное поведение и психические аномалии. – М.: Норма, 1998. – С. 55.

³ Шостакович Б.В., Парфентьева О.В., Дорофеев Г.К. Общественно опасные действия при психопатиях и некоторых психопатоподобных состояниях // Проблемы судебной и социальной психиатрии. – М.: Юридическая литература, 1975. – С.43 – 53.

⁴ Павлов В.Г. Субъект преступления. – СПб.: Юридический центр Пресс, – 2001. – С. 105.

совершения общественно опасного деяния причиняет или может причинить вред общественным отношениям, охраняемым уголовным законом, и не может осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, что исключает виновность данного лица и признание его субъектом преступления, а также привлечение к уголовной ответственности и назначение ему наказания".¹ Мнение автора основывается на спорном, на наш взгляд, понятии о невменяемости, предложенном Р.И. Михеевым, согласно которому невменяемость – это такое состояние, которое исключает вину и уголовную ответственность, а не способность лица осознавать во время совершения преступления характер и общественную опасность совершаемых действий (бездействия) или руководить ими.²

С приведённым определением невменяемости, данным В.Г. Павловым, согласиться нельзя, поскольку оно страдает следующими недостатками:

1. Автор отождествляет невменяемость с видами психических расстройств, между тем невменяемость не сводится к простому перечню болезненных состояний психики. Невменяемость является юридической категорией, имеющей своей сутью непривлечение лица, совершившего общественно опасное деяние, к уголовной ответственности в строго определенных случаях.

2. В приведённом определении не отмечена прямая связь между невозможностью осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими, с одной стороны, и психическим расстройством, с другой стороны.

3. И в определении В.Г. Павлова, и в определении Р.И. Михеева упоминается о том, что невменяемость исключает вину и уголовную ответственность. Невменяемость не может исключать виновность, (как и вменяемость не является предпосылкой вины), но является основанием для

¹ Павлов В.Г. Указ. соч. – С.66.

² Михеев Р.И. Проблемы вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного Университета, 1983. – С. 123.

непривлечения лица к уголовной ответственности. Категории "невменяемость" и "вина" не связаны напрямую.

Более состоятельным представляется следующее определение невменяемости: "...невменяемость – это психическое состояние лица, заключающееся в неспособности отдавать себе отчет в своих действиях, бездействии (осознавать фактический характер и общественную опасность деяния) либо руководить ими в момент их совершения вследствие болезненного состояния психики или слабоумия, результатом которой является освобождение от уголовной ответственности и наказания с возможностью применения по решению суда принудительных мер медицинского характера"¹.

Вместе с тем, в литературе ранее отмечались неточности данного определения. Так, Н.В. Артеменко считает, что:

– более правильным является употребление выражения "не в момент", а "во время" совершения общественно опасного деяния, так как имеется достаточное количество преступлений, совершение которых не происходит одновременно, а происходит в течение определённого промежутка времени;

– невменяемость не является одним из предусмотренных уголовным законом оснований освобождения от уголовной ответственности, она её исключает².

Следует отметить, что теория уголовного права и практика традиционно считают, что невменяемость именно исключает уголовную ответственность. Невменяемых "нельзя обвинить или, по крайней мере, нельзя осудить", ведь они "обнаруживают злую волю", ведь "намерение вредить, мнимая злая воля, которая у них так ясно обнаруживается, действительно есть нечто злое само в себе, но злого намерения у них не существует"³. Уголовный кодекс РФ

¹ Антонян Ю.М., Бородин С.В. Указ. соч. – С. 123.

² Артеменко И.В. Актуальные проблемы вменяемости (невменяемости) и возраста уголовной ответственности (сравнительный историко-правовой анализ уголовного законодательства РФ и Франции): дисс. на соиск. уч. степ. канд. юр. наук. – Ростов-на-Дону, 1999. – С. 66.

³ Шишков С. Понятия "вменяемость" и "невменяемость" в следственной, судебной и

связывает возможность освобождения от уголовной ответственности с наступлением каких-либо юридически значимых фактов (примирение с потерпевшим, изменение обстановки, истечение сроков давности и др.). Факт совершения общественно опасного деяния под воздействием ложных представлений о действительности должен расцениваться как исключающий уголовную ответственность изначально.

Кроме данных неточностей вышеприведённого определения можно отметить и следующие:

словосочетание "отдавать себе отчет в своих действиях (бездействии)" характерно для ныне не действующего уголовного законодательства. Более совершенной представляется фраза "осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия)", закрепленная в настоящее время в законе;

– невменяемость – это не психическое состояние лица, заключающееся в определенной неспособности. Термины "психическое состояние", "состояние психики", "состояние психического расстройства" – медицинские и отождествлять их с юридическим понятием "невменяемость" нельзя.

Мнение о том, что попытки отождествления невменяемости с особым психическим состоянием ошибочны, прозвучало в научной литературе относительно давно¹. Однако следует отметить, что некоторые современные исследователи все же без каких-либо оговорок полностью воспринимают предложенное выше определение невменяемости как психического состояния, утверждая при этом, что невменяемость – понятие не медицинское, не психиатрическое, а юридическое. Это характерно для представителей медицинской науки; для них такое определение приемлемо².

Г. В. Назаренко, считая, что вполне правомерно существование двух понятий: состояния невменяемости и невменяемости, провёл разграничение

экспертной практике // Законность. – 2001. – № 2. – С. 17.

¹ Назаренко Г.В. Эволюция понятия невменяемости // Государство и право. – 1993. – №3. – С. 66.

² Балабанова Л.М. Судебная патопсихология (вопросы определения нормы и отклонений). – М.: Сталкер, – 1998. – С. 247.

между ними. По его мнению, если состояние невменяемости означает бытие психической болезни, слабоумия или иного болезненного состояния (онтологический уровень категории "невменяемость"), то на гносеологическом уровне это понятие представляет собой характеристику патологического состояния психики, закрепленную в законе". Такое понимание понятий "состояние невменяемости" и "невменяемость", по мнению автора, позволит избежать их смешения. Действительно, проведённое разграничение позволяет объяснить, в каком разрезе понимаются данные понятия в действующей редакции ст.21 УК РФ¹.

Однако примечательно, что сам автор предлагает свой вариант нормы о невменяемости без использования понятия "состояние невменяемости":

"Не вменяется в вину деяние лицу, находившемуся во время его совершения в болезненном психическом состоянии и неспособному понимать общественно опасный характер своего деяния и его последствий либо руководить своими действиями"².

Из нормы о невменяемости совершенно справедливо исключено словосочетание "состояние невменяемости". Данное сочетание неприемлемо, поскольку такого состояния не существует. Как уже отмечалось, невменяемость – это юридическая категория, а не состояние, которым может быть, скажем, психическое расстройство, либо состояние психики. Ошибаются также те авторы, которые определяют понятие "невменяемость" через понятие "психическое расстройство". Ни вменяемость, ни невменяемость психическим расстройством, либо состоянием психического расстройства не являются. Между тем, считается, что данное определение страдает существенным недостатком – указанием на невозможность осознания невменяемым лицом последствий своего деяния. Данный признак введён в формулу невменяемости совершенно излишне. Как известно, для целого ряда составов преступлений последствия не являются обязательным

¹ Назаренко Г.В. Невменяемость в уголовном праве: дисс. на соиск. уч. степ. канд. юр. наук. – Орел, 1992. – С.59.

² Назаренко Г.В. Указ. соч. – С.60.

признаком объективной стороны, такие преступления признаются оконченными с момента совершения общественно опасных действий независимо от наступления или ненаступления общественно опасных последствий. А раз последствия для данных составов не играют роли, непонятно, для чего лицо должно осознавать общественно опасный характер деяния вместе с его последствиями.

Редакция ст.21 УК РФ "Невменяемость", предложенная Г.В. Назаренко в более поздних работах, выглядит следующим образом:

"1. Не вменяется в вину деяние, совершённое лицом, которое находилось в состоянии хронического или временного психического расстройства, слабоумия или иного болезненного состояния психики, вследствие чего не могло осознавать общественную опасность своих действий (бездействия) либо не могло ими руководить во время совершения общественно опасного деяния"¹.

Как уже отмечалось, прямой связи между невменяемостью и виной нет, и невменяемость не означает невиновность лица. На это указывает и Г. В. Назаренко: "...невменяемость исключает не вину, а поставление содеянного в вину, то есть вменение как таковое. Таким образом, сущность невменяемости заключается в непоставлении в вину общественно опасного деяния лицу, причинившему уголовно-правовой вред в состоянии психического расстройства или слабоумия, достигшего известной степени, а категория "невменяемость" служит средством изъятия таких лиц из числа уголовно-ответственных субъектов"². Автор полагает необходимым использование формулировки "не вменяется в вину деяние" вместо существующей в настоящее время "не подлежит уголовной ответственности", считая, что новая редакция отвечает традиционному представлению о том, что невменяемость исключает вменение содеянного в вину, в силу чего невменяемое лицо не подлежит уголовной ответственности.

¹Назаренко Г.В. Уголовно-релевантные психические состояния лиц, совершивших преступления и общественно опасные деяния. Монография. – М.: Ось-89, 2001. – С.98.

² Назаренко Г.В. Указ. соч. С.98.

Также считается, что правовым последствием невменяемости является то, что невменяемое лицо не подлежит уголовной ответственности, что не связано с поставлением ему в вину общественно опасного деяния. Процессуально поставление в вину именуется процедурой предъявления лицу обвинения. Исходя из особенностей расследования уголовных дел об общественно опасных действиях, совершенных невменяемыми, на первоначальном этапе следствия таким лицам все же предъявляется первоначальное обвинение и лишь после этого назначается и проводится экспертиза его психического состояния. Лишь установив, что во время совершения общественно опасного деяния лицо было невменяемым, орган следствия и далее суд принимают решение о том, что лицо уголовной ответственности не подлежит (несмотря на то, что обвинение на тот момент уже предъявлено, то есть содеянное уже ранее поставлено в вину). Считаем, что прямой связи между поставлением или непоставлением содеянного в вину и результатом невменяемости, его правовым последствием нет. Полагаем, что более важно в уголовном законе отразить именно правовое последствие невменяемости, состоящее в том, что невменяемый не подлежит уголовной ответственности, как итоговый вывод правоохранительных органов по уголовному делу в отношении конкретного лица.

Имеется представление о том, что "уголовно-правовая невменяемость – это предусмотренное уголовным законом обстоятельство, исключаящее субъекта преступления и имеющее своим содержанием факт совершения объективно-противоправного общественно опасного деяния лицом, которое во время его совершения не могло сознавать общественной опасности своего деяния или руководить им вследствие психической болезни либо иного болезненного состояния"¹.

В приведённом определении автор допустил сокращение

¹ Богомяков Ю.С. Уголовно-правовая невменяемость: критерии и признаки // Советское государство и право. – 1989. – № 4. – С. 108; Власов Ю. Квалификация деяния, совершенного с лицом, не обладающим признаками субъекта // Уголовное право. – 2007. – № 2. – С. 11.

интеллектуального момента психологического критерия невменяемости, состоящего в том, что "опущена" его часть, заключающаяся в осознании лицом фактического характера наряду с общественной опасностью своих действий (бездействии). Возражая против этого, считаем также, что правовым последствием невменяемости является не исключение субъекта преступления, а исключение для лица уголовной ответственности, что прямо следует из текста ст.21 УК РФ.

Пределы компетенции эксперта при решении вопросов вменяемости-невменяемости.

Комплексная проблема невменяемости не может быть решена успешно без помощи судебных экспертов. Однако здесь возникает масса вопросов о пределах компетенции юристов и экспертов, об их взаимодействии при определении невменяемости.

Высказано мнение о том, что заключение экспертов о вменяемости-невменяемости не является вторжением в права судьи, так как необходимые для этого обстоятельства и факты познаны наукой с помощью психиатрических приемов¹.

В вопросе о том, что конкретно должны устанавливать эксперты при проведении экспертизы, целый ряд авторов убеждены, что "функции психиатра-эксперта ограничиваются здесь дачей заключения, соответствующего его профессиональным знаниям, – о состоянии психики лица во время совершения деяния...", иное означало бы выход его за пределы своей компетенции².

С учётом вышеизложенного понимания невменяемости как юридической категории, можно сделать вывод о том, что его установление входит в компетенцию юристов, а именно – органов следствия и суда. В связи с этим,

¹ Луни Д.Р. Указ. соч. – С. 94.

² Протченко Б., Рудяков А. Большая тема // Коммунист. – 1989. – № 3. – С. 53; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т.1. – М.: Юридическая литература, 1968. – С.440-442; Степичев С.С, Хомовский А.А. Особенности производства по применению принудительных мер медицинского характера // Социалистическая законность. – 1967. – № 5. – С. 57.

в заключении экспертизы, соответствующем требованиям ст. 25 Федерального закона "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации" от 31 мая 2001 года¹, эксперт не должен делать вывод о невменяемости. Установив наличие психического расстройства, которое лишало лица способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, он должен рекомендовать признать лицо невменяемым. В практической деятельности автор настоящего дипломного исследования встречался со случаями, когда в заключении экспертизы однозначно указывалось на то, что данное лицо экспертами признается вменяемым или невменяемым; довольно часто в заключениях экспертов используется некорректная (с нашей точки зрения) формулировка, предложенная в ст.21 УК РФ, о том, что лицо "находилось в состоянии невменяемости". Об этом свидетельствуют и результаты анкетирования практических работников правоохранительных органов. Так, к примеру, до 90% следователей прокуратуры Рязанской области сталкиваются с ситуациями (и, кстати говоря, согласны с этим), когда вывод о наличии вменяемости или невменяемости лица делается врачами-психиатрами, а суд просто соглашается с этим².

По данному вопросу даже высказано, что "функции следствия и суда по установлению невменяемости фактически перешли к судебно-психиатрической экспертизе"³.

Примечателен факт, что такое положение вещей вполне устраивает юристов-следователей, назначавших и проводивших психиатрическую экспертизу, и далее суд. Практические работники зачастую забывают, что заключение психиатрической экспертизы – это доказательство, которое подлежит оценке в совокупности с иными добытыми доказательствами. Получив заключение экспертизы, работник правоохранительного органа

¹ Собрание законодательства. – 2001. – № 23. – Ст. 2291.

² Назаренко Г.В. Уголовно-релевантные психические состояния лиц, совершивших преступления и общественно опасные деяния: Монография. – М.: Ось-89, 2001. – С. 74.

³ Богомятков Ю.С. Уголовно-правовая невменяемость: критерии и признаки.// Советское государство и право. – 1989. – № 4. – С. 108.

должен оценить его в совокупности с другими доказательствами по делу и лишь, потом сам должен принять решение о том, было ли исследуемое лицо вменяемым или невменяемым.

Как считает С.Н. Шишков, эксперт должен дать заключение относительно каких-то фактических обстоятельств, но "никак не "рекомендации" по вопросам, входящим в компетенцию следователя и суда". Автор отмечает также что "термины "вменяемость" и "невменяемость" в экспертном заключении присутствовать не должны"¹. Именно эта позиция, как отмечает С.Н. Шишков, позволяет экспертам оставаться в пределах своих специальных познаний.

В данном вопросе автор настоящего исследования вполне согласен с мнением Ю.С. Богомягкова о том, что "эксперты не должны констатировать невменяемость, так как они не компетентны устанавливать факт совершения общественно опасного деяния данным лицом и другие юридические признаки невменяемости. Только суд, оценив все доказательства и установив все юридически значимые обстоятельства по делу, имеет законные основания сделать вывод о невменяемости, которая до вынесения определения судом только предполагается"².

Таким образом, в заключении экспертизы не должно быть императивно указано, было ли лицо вменяемым или невменяемым во время совершения деяния. Эксперт должен установить наличие медицинского критерия невменяемости (болезни) и юридического (насколько она повлияла на способность осознавать и руководить).

Однако об этом в литературе высказано следующее: "Наивно полагать, что изъятие из заключения эксперта фразы о возможности признания лица вменяемым (невменяемым) существенно повысит качество ведения предварительного следствия и отправления правосудия"³. Вместе с тем

¹ Шишков С. Понятия "вменяемость" и "невменяемость" и следственной, судебной и экспертной практике // Законность. – 2001. – № 2. – С. 17.

² Богомягков Ю.С. Указ. соч. – С. 108.

³ Первомайский Б.В. Критерии невменяемости и пределы компетенции психиатра-

полагаем, что оспариваемое положение не столь уж и наивно, а является принципиальным моментом, на котором основывается положение о том, что юридическое понятие "невменяемость" должен устанавливать юрист.

В.Б. Первомайский отмечает также, что суд должен оценить заключение эксперта наряду с другими доказательствами, но выполнить данное требование закона "следствие и суд не могут в полной мере..., поскольку они не владеют клиническим методом исследования и не обладают специальными знаниями"¹.

Вместе с тем, результаты проведенного анкетирования свидетельствуют, что подавляющее большинство опрошенных практических работников (в данном примере – 89,1% всех опрошенных работников прокуратур субъектов РФ) на вопрос: "Были ли в Вашей практической деятельности случаи, когда суд (орган следствия) не соглашался с мнением эксперта о психическом состоянии лица и принимал противоположное решение?", указали, что таких ситуаций не возникало. Также высказаны мнения о том, что юристы не просто автоматически должны соглашаться с мнением эксперта; в случаях возникновения сомнений в компетентности эксперта, они назначают дополнительные и повторные экспертизы².

В случаях, когда суд не доверяет заключению первоначальной экспертизы, он должен назначить дополнительную, либо повторную экспертизу. Если суду необходимо прибегнуть к специальным познаниям в данной области, чтобы полно исследовать проблему, он может вызвать и допросить в судебном заседании эксперта, сам разобраться во всех деталях вопроса. Окончательный вывод о вменяемости-невменяемости должен делать суд, не перекладывая его решение на экспертов.

Более интересным и дискуссионным представляется другой вопрос, поднятый Б.В. Первомайским, который утверждает, что эксперт при

эксперта // Советское государство и право. – 1991. – № 5. – С. 69.

¹ Первомайский Б.В. Указ. соч. – С.71.

² Назаренко Г.В. Уголовно-релевантные психические состояния лиц, совершивших преступления и общественно опасные деяния: Монография. – М.: Ось-89, 2001. – С. 74.

проведении экспертизы выходит за пределы своих полномочий, так как он подтверждает факт совершения деяния именно данным лицом, причем констатирует совпадение во времени совершения деяния и психического состояния¹.

Автор предлагает в данной ситуации два варианта преодоления указанного противоречия, считая, что:

1. Выводы эксперта относительно психического состояния и способности лица отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими во время совершения деяния являются предположительным. Суд же, исследовав все доказательства, превращает предположение в утверждение, приходя, таким образом, к заключению о вменяемости-невменяемости субъекта.

2. Эксперт должен делать вывод о состоянии лица не во время совершения общественно опасного деяния, а в период времени, к которому относится инкриминируемое ему деяние.

Г.В. Назаренко полагает, что в первом случае заключение эксперта рассматривается как неприемлемый вывод о "гипотетической невменяемости"². Действительно, предположение о невменяемости ставит под сомнение доказательственную силу данного заключения, в котором не дается четкого ответа на вопросы, поставленные перед экспертом. Однако считаем, что В.Б. Первомайский вполне обоснованно отмечает, что самим заключением не решается вопрос о факте совершения обследуемым лицом какого-либо общественно опасного деяния, ибо решение подобных вопросов (как и решение вопросов о виновности лица, наличии причинной связи между деянием и последствиями и др.) не входит в компетенцию эксперта. В первом предложении автора следует изменить акценты таким образом, чтобы предположительный характер носил не вывод эксперта о психическом состоянии лица и способностей интеллектуальной и волевой сфер его психики, а сам факт совершения данным лицом общественно опасного

¹ Первомайский В.В. Указ. соч. – С.76.

² Назаренко Г.В. Невменяемость в уголовном праве: дисс. на соиск. уч. степ. канд. юр. наук. – Орел, 1992. – С.45.

деяния. Последнее относится целиком и полностью к компетенции органов следствия и суда. Окончательное решение по данному вопросу принимает все же суд, а до этого момента действует принцип презумпции невиновности: никто не может быть признан виновным иначе, как на основании вступившего в законную силу приговора суда. Однако эксперты, отвечая на поставленные перед ними вопросы, должны исходить из того, что обследуемый, совершил общественно-опасное деяние, доверяя в этом на 100% органу следствия. Поэтому выводы экспертов по вопросу вменяемости или невменяемости должны быть совершенно определёнными.

Так, Давыдов совместно с Дергузовой в период примерно с 1990 года пропагандировали и развивали так называемую "теорию общественного счастья", согласно которой современное общество нуждается в усовершенствовании путем воспитания нового поколения людей не с помощью старого поколения, а с помощью специально разработанных новых воспитательных методов, которые будут использовать избранные люди-воспитатели. Пропагандируя свои идеи, Давыдов и Дергузова приехали в г. Калугу, познакомились с Приваловым и впоследствии из собравшихся вокруг них единомышленников создали общественную организацию "Б.К.Н.Л. "ПОРТОС" (братство кандидатов в настоящие люди поэтизированного объединения разработки теории общественного счастья). Устав организации зарегистрирован управлением юстиции Калужской области в ноябре 1993 г. Целью создания организации явилось воспитание нового поколения людей в соответствии с названной теорией. При этом Давыдов и Дергузова приняли на себя роль избранных воспитателей. Организация имела сеть незарегистрированных подразделений на территории России и Украины. В конце 1999 – начале 2000 г. "избранные воспитатели" и другие лица арендовали территорию бывшей базы завода "Салют" и постоянно проживали в расположенных там складских помещениях, члены их организации поставили ограду и охрану.

Давыдов совместно с другими лицами стал насаждать в так называемые

"воспитательные" методы элементы насилия, включая все более широкое применение физических наказаний к вовлекаемым в организацию лицам, преобразовав в результате организацию "Б.К.Н.Л. "ПОРТОС" в общественное объединение, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами, т.е. объединение, посягающее на личность и права граждан, использовав ранее существующую "теорию общественного счастья", привнеся в нее элементы человеконенавистничества и насилия.

Для обеспечения постоянного притока денежных средств на нужды этой организации Давыдов совместно с другими руководителями создали общество с ограниченной ответственностью "Организация помощи инвалидам, ветеранам и пенсионерам" с использованием наемных рабочих. С целью пропаганды и вербовки новых членов, а также наемных рабочих основные положения их теории печатались типографским способом и распространялись в виде газет и листовок. При этом обещаниями предоставить высокооплачиваемую престижную работу и возможность обучения в престижных учебных заведениях г. Москвы привлекались как несовершеннолетние, в основном из неблагополучных семей, так и другие лица, используемые впоследствии на работах для обеспечения финансирования организации.

Организация "ПОРТОС" имела четкую структуру, основанную на жесткой дисциплине и безусловном подчинении рядовых членов и наемных рабочих ее руководителям.

У несовершеннолетних руководители организации отбирали удостоверяющие личность документы, и таким образом подростки удерживались на территории базы.

Для охраны своей территории Давыдов и его сторонники создали из членов своей организации вооруженное формирование, в состав которого вошли также Привалов и другие лица, и руководили им. Вооруженное формирование было снабжено приобретенным на законных основаниях огнестрельным оружием (ружья, пистолеты), а также иным оружием

(пневматическое и газовое оружие). Огороженная территория базы охранялась не только людьми, но и собаками. Выход по собственной инициативе за пределы территории несовершеннолетним был запрещен под страхом применения физических наказаний. Передвигаться за пределами охраняемой территории они могли лишь в сопровождении членов формирования. Телефонные разговоры контролировались, письма проверялись. Насильно удерживая несовершеннолетних на территории базы, Давыдов и другие лица принуждали их к тяжелой работе, применяли унижающие достоинство физические наказания за нарушение требований.

Так, в третьей декаде сентября 2000 г. Давыдов несколько раз ударил по лицу Хакимова и нанес ему три удара ногой в область таза, после чего другие лица с участием Давыдова и Привалова привязали его к лавке и поочередно нанесли 89 ударов кожаной плетью по ягодицам. Побои наносились также несовершеннолетним Лукьянову и Изотовой.

22 ноября 2000 г. Давыдов и другие лица за нарушение режима (курение) организовали приведение в исполнение наказания в отношении Хакимова: кожаной плетью ему было нанесено 50 ударов.

Согласно акту судебной психолого-психиатрической экспертизы Давыдов и Привалов страдают хроническими психическими расстройствами в форме шизофрении. Поэтому в период, относящийся к совершению ими инкриминируемых деяний, они не могли осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

С учетом конкретных обстоятельств дела и заключений судебно-психиатрической экспертизы суд обоснованно назначил Давыдову принудительное лечение в психиатрическом стационаре специализированного типа, а Привалову – в психиатрическом стационаре общего типа¹.

Поскольку установление факта совершения лицом общественно опасного

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 30 марта 2004 года по делу № 4-о04-37//Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2005. – №6. – С.27.

деяния, порицаемого уголовным законом, виновности лица и причинной связи между деянием и наступившими общественно опасными последствиями, входит в компетенцию органов следствия и суда, последние своими решениями могут "нейтрализовать" выводы экспертов о признании лица вменяемым или невменяемым в исследуемой ситуации. Так, уголовно-процессуальный закон предусматривает для органов следствия и суда возможности прекращения уголовного дела при определенных основаниях. Некоторые из этих оснований прекращения уголовного дела, не связанные с правовыми последствиями признания лица невменяемым, являются "реабилитирующими обстоятельствами" (скажем, за отсутствием в действиях лица состава преступления при неподтверждении обвинения). В данном случае заключение, исходящее из утверждений органа следствия о совершении обследуемым лицом преступления, сводится "на нет", так как в результате следствия отрицается сам факт совершения данным лицом преступления. Категории "вменяемость" и "невменяемость" же могут иметь место лишь в случае совершения конкретного общественно опасного деяния, порицаемого уголовным законом, и не существуют сами по себе. Иными словами, эти категории могут быть исследованы лишь в рамках уголовного дела и не могут существовать за его пределами. В случаях прекращения уголовного дела по "нереабилитирующим" основаниям, то есть, с признанием вины, со стороны органов следствия и суда возможно принятие решения о вменяемости-невменяемости лица, так как факт совершения преступления не отрицается, а уголовное дело прекращается в силу иных предусмотренных законом оснований. В связи с изложенным, представляется более верным говорить не о "предположительной" или "гипотетической" невменяемости, а о "предварительно установленной" невменяемости или о невменяемости под условием совершения данным лицом данного деяния. В целом данное обстоятельство еще раз позволяет убедиться в том, что вменяемость и невменяемость – это юридические категории, юридические формулы, а не медицинское определения.

Считаем, что вторая точка зрения Б.В. Первомайского, заключающаяся в том, что эксперт должен делать вывод о состоянии лица не во время совершения общественно опасного деяния, а в период времени, к которому относится инкриминируемое ему деяние, приемлемой быть не может. Уголовный закон отмечает, что при невменяемости лицо вследствие психического заболевания лишается известных способностей именно во время совершения общественно опасного деяния, а не в период, относящийся к нему, включая промежутки времени до совершения деяния или после него. Действительно, целый ряд преступлений совершается не одномоментно, состояние совершения преступления может длиться значительный промежуток времени, что встречается в продолжаемых и длящихся преступлениях. Следовательно, предметом экспертного исследования должно быть психическое состояние лица во время совершения деяния, а не в другие моменты его деятельности. Только тогда суд может обоснованно признать заключение экспертизы одним из доказательств по уголовному делу.

В дискуссии о том, каким понятием является невменяемость, достаточно указать на следующие признаки, подтверждающие правовую природу этой категории: невменяемость, согласно уголовному закону, влечет за собой определенные правовые последствия – исключает уголовную ответственность и наказание и может служить основанием для применения принудительных мер медицинского характера; только орган следствия и суд может признать лицо невменяемым; сама экспертиза по данному вопросу не может быть проведена иначе как на основании мотивированного постановления органа следствия и суда; лицо может быть признано невменяемым не само по себе, а в связи с совершением конкретного деяния и в целях решения вопросов уголовной ответственности.

С учётом изложенного, полагаем, что эксперт должен высказать своё мнение не только о том, имеется ли у лица психическое расстройство, но и том, как оно повлияло на его способность фактическую сторону и

социальный смысл содеянного и руководить своими действиями (бездействием) в данный промежуток времени, а не просто указать наличие психической болезни. В последнем варианте заключение эксперта без установления юридического критерия не может быть использовано органами следствия и судом для вывода о вменяемости-невменяемости.

Медицинский критерий невменяемости

Уголовный кодекс РФ в действующей редакции сохранил формулировку медицинского критерия невменяемости, состоящего из четырех видов психических расстройств: хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия, иного болезненного состояния психики. Указывая на четыре группы психических расстройств, законодатель, очевидно, имел намерение показать, что степень и характер психических расстройств могут быть различными.

Вместе с тем едва ли данную формулировку медицинского критерия невменяемости можно назвать удачной. По нашему мнению, дифференциация психических расстройств по группам не способствует ни совершенствованию нормы уголовного закона, ни созданию для экспертов каких-либо чётких критериев при определении медицинского критерия невменяемости. В литературе уже были высказаны взгляды о том, что перечень всех видов расстройств в ст. 21 УК РФ является "архитектурным излишеством"¹, и о том, что "в ст. 20, 21 и 22 УК следует использовать единый термин "психическое расстройство"².

Разделение психических расстройств на четыре группы излишне, необходимости в этом нет. Действующее законодательство (к примеру. Закон

¹ Шишков С.Н. Правовое значение психических расстройств при производстве по уголовным делам. // Советское государство и право. – 1988. – № 12. – С. 58; Шишков С.Н. Уголовный кодекс России и проблемы невменяемости // Журнал Российского права. – 1998. – № 1. – С. 35.

² Цымбал Е., Дьяченко А. Возрастная невменяемость: теория и практика применения // Уголовное право. – 2000. – № 3. – С. 50.

РФ "О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании"¹. Гражданский кодекс РФ) содержит понятие "психическое расстройство", не разделяя его на группы.

Полагаем, что следует согласиться с предложением С.И. Шишкова, изложенном в его последних работах, посвященных проблемам невменяемости, о введении в текст уголовного закона формулировки "психическое расстройство" взамен существующего перечня².

Имеется мнение о том, что "в настоящее время преждевременно ставить перед законодателем вопрос о пересмотре медицинского критерия невменяемости в уголовном законе, поскольку психиатры еще сами не пришли к определенному мнению на этот счет"³.

Как установлено судом, Г., находясь в состоянии невменяемости, совершил запрещенное уголовным законом общественно опасное деяние - убийство потерпевшей Б., а затем убийство двух лиц - потерпевших К.А. и К.Л. на почве личных неприязненных взаимоотношений и с целью скрыть факт ранее совершенного убийства Б.

Из заключения комиссии экспертов-психиатров следует, что в момент совершения указанного, запрещенного уголовным законом общественно опасного деяния Г. страдал хроническим психическим расстройством в виде параноидной формы шизофрении с приступообразно-прогредиентным типом течения.

Указанное психическое расстройство лишало Г. способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. Это психическое расстройство у Г. имеет место и в настоящее время, оснований не доверять выводам указанной экспертизы у суда не имелось.

Выводы суда о совершении Г. в состоянии невменяемости запрещенного

¹ Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 33. – Ст. 1913.

² Михеев Р.И. Проблемы вменяемости, вины и уголовной ответственности (Теория и практика). Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. докт. юр. наук. – М., 1995. – С. 35.

³ Сирожидинов Д.В. Ограниченная вменяемость: вопросы теории и практики. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. юр. наук. – Екатеринбург, 1998. – С. 124.

уголовным законом деяния - убийства потерпевших Б., К.А., К.Л. являются обоснованными и подтверждаются совокупностью доказательств: показаниями потерпевших и свидетелей, протоколом осмотра места происшествия, заключениями судебно-медицинских, судебно-психиатрической, криминалистических экспертиз и другими доказательствами, которые исследованы в суде и получили правильную оценку в их совокупности.

Из заключения комиссии экспертов-психиатров следует, что у Г. выявлено хроническое психиатрическое расстройство в виде параноидной формы шизофрении с приступообразным прогрессирующим типом течения.

Это подтверждается анамнестическими сведениями и данными медицинского наблюдения о наличии у него в прошлом аффективно-бредовых состояний, результатами настоящего клинического психиатрического обследования, которое выявило у Г. наличие параноидного (бредового) синдрома с бредовой трактовкой анамнеза, типичные для шизофренического процесса изменения эмоциональности, мышления, грубые нарушения критики.

Указанное хроническое психическое расстройство в момент совершения инкриминируемого деяния лишало Г. способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

Действия Г. были обусловлены психическими переживаниями болезненного характера.

Принимая во внимание характер содеянного и клиническую картину заболевания, комиссия пришла к заключению, что и в настоящее время, вследствие имеющегося у него хронического психического расстройства Г. не может осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, нуждается в применении принудительной меры медицинского характера в виде принудительного лечения в психиатрическом стационаре специального типа с интенсивным наблюдением.

Оснований сомневаться в указанных выводах у суда не имелось, не

усматривает таких оснований и Судебная коллегия.

Из материалов дела следует, что Г. неоднократно до указанных событий проходил лечение в психиатрической больнице.

Согласно справке Самарской психиатрической больницы, Г. наблюдается с 31.05.2005 с диагнозом: "Шизофрения приступообразно-прогредиентная, аффективно-бредовый приступ". С указанным диагнозом Г. находился на лечении с 07.03.2005 по 04.05.2005.

В связи с тем, что Г. совершил общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, суд в соответствии со ст. 21 УК РФ обоснованно освободил его от уголовной ответственности, назначив принудительные меры медицинского характера¹.

Формулировка "психическое расстройство", необходимая, с нашей точки зрения, в формуле ст.21 УК РФ, самодостаточна, как медицинский критерий невменяемости, вполне охватывает весь спектр заболеваний, могущих быть этим критерием. Для этого совершенно не требуется называть какие-то конкретные виды психических расстройств - ни те, которые существуют сегодня в формулировке невменяемости в законе, ни какие-либо другие².

Есть предложение о выделении следующих "двух признаков медицинского критерия невменяемости: 1) слабоумие (врожденное или приобретенное) и 2) болезненное состояние психики". В качестве обоснования данного предложения называется достаточность данных признаков для обобщающего понимания сути психиатрической оценки всего ряда заболеваний. Под первым признаком понимаются любые случаи состояний "стойкого и глубокого снижения психической деятельности, сопровождающихся поражением интеллектуальной сферы", а под вторым признаком – психоз как "любое болезненное состояние психики, при котором психическая деятельность больного отличается полным несоответствием окружающей действительности, либо отражение реальности грубо

¹ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 16 октября 2006 года дело № 46-о06-84//Бюллетень Верховного Суда. – 2007. – №7. – С.16.

² Сирожидинов Д.В. Указ. соч. – С. 125.

искажено". Полагаем, что и такое выделение обобщающих признаков медицинского критерия не будет способствовать выделению четких клинических критериев отграничения их друг от друга, оно выглядит также условно и излишне, как существующие сегодня в уголовном законе признаки расстройств. Строго говоря, для принятия решения о невменяемости вообще не имеет значение, к какому типу относится психическое расстройство лица – к хроническому, временному, слабоумию, либо иному болезненному состоянию психики.

Неправильным, по нашему мнению, было бы изложение медицинского критерия невменяемости по аналогии с нормой ст.22 Уголовного кодекса, в которой в настоящее время содержится термин "психические расстройства, не исключающие вменяемости". Тогда в смысле ст. 21 УК РФ рассматриваемый критерий назывался бы так: "психические расстройства, исключающие вменяемости". Однако, психические расстройства не могут сами по себе исключать вменяемость. Последняя может исключаться лишь при совокупности и медицинского, и юридического критериев¹.

Так Ч. освобожден от уголовной ответственности за совершение в состоянии невменяемости насильственного полового акта с несовершеннолетней В., 14 октября 1992 года рождения.

Деяние совершено в период 26 мая 2006 года в г. Челябинске при обстоятельствах, изложенных в постановлении.

В кассационной жалобе законный представитель потерпевшей В.В. просит отменить постановление и направить дело на новое судебное разбирательство, считает, что суд не дал должной оценки заключению судебно-психиатрической экспертизы в совокупности с другими доказательствами, не выяснил причину возникновения болезненного состояния у Ч., а также не привел мотивов, по которым пришел к выводу о возможности освобождения Ч. от уголовной ответственности, неправомерно

¹ Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Громова Н.А. М.: ГроссМедиа, 2007. – С. 56.

освободил его от ответственности.

В возражениях на кассационную жалобу государственный обвинитель Дзех Л.И. просит оставить постановление без изменения.

Проверив материалы уголовного дела, обсудив доводы кассационных жалоб, Судебная коллегия не находит оснований для отмены постановления.

Совершение Ч. общественно опасного деяния, предусмотренного ст. 131 ч. 3 п. "в" УК РФ, подтверждается показаниями потерпевшей В. об обстоятельствах совершенного Ч. ее изнасилования, показаниями законного представителя несовершеннолетней потерпевшей В.В., свидетеля Иванова, которым потерпевшая рассказала о действиях Ч., заключением судебно-медицинской экспертизы о наличии у потерпевшей В. телесных повреждений, характерных для насильственного полового акта, заключением судебно-биологической экспертизы, другими материалами дела.

Согласно заключению стационарной судебно-психиатрической экспертизы Ч. страдает хроническим психическим расстройством в виде шизофрении параноидной формы. Изменения психики выражены столь значительно, что Ч. не мог в момент инкриминируемого деяния и не может в настоящее время осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, а также правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела и давать о них правильные показания. Учитывая наличие у Ч. бредовых идей отношений, религиозного содержания, паралогичность мышления, нарушение критических способностей, он нуждается в принудительном лечении в психиатрическом стационаре специализированного типа.

Выводы экспертов-психиатров подробно и обстоятельно мотивированы, сделаны после стационарного обследования Ч., не доверять этим выводам или сомневаться в их правильности у суда никаких оснований не имелось.

При таких обстоятельствах суд обоснованно освободил Ч. от уголовной ответственности и направил на принудительное лечение, свое решение мотивировал, поэтому Судебная коллегия не может согласиться с доводами

жалобы законного представителя потерпевшей о неправомерном освобождении Ч. от ответственности¹.

Изучение показало, что взгляды одних и тех же авторов, взятых в динамике, бывают прямо противоположными. К примеру, Г.В. Назаренко своё дипломное исследование посвятил обоснованию необходимости исключения перечня различных форм психических расстройств в медицинском критерии невменяемости с изложением доводов в пользу этого². Однако им же позже отстаивается противоположная точка зрения о том, что "...упрощение медицинского критерия способно на практике привести к отрицательным результатам. Стирание границ между хроническими, временными и иными расстройствами психики дает возможность экскульпировать более широкий круг лиц за счёт недифференцированного подхода к расстройствам психической деятельности в экспертной практике. Кроме того, отсутствие чётких медицинских критериев, которые могут служить ориентирами для судебной практики, лишает суд возможности дать квалифицированную оценку экспертному заключению и вынести обоснованное определение о невменяемости"³.

По нашему мнению, данные опасения автора несколько преувеличены. Сам факт наличия четырех видов расстройств не создает четких критериев для отграничения одних видов заболеваний от других - это возможно лишь в случае глубоких поражений психики, а в спорных случаях это не играет роли. Полагаем, что это также не может влиять на судебную оценку и на экскульпацию более широкого круга лиц испытуемых.

Вместе с тем, результаты анкетирования практических работников по этому вопросу не позволили выявить чёткую позицию правоприменителя – серьёзного перевеса не получила ни та, ни противоположная позиция. При

¹ Определение судебной коллегии Верховного Суда РФ от 18 января 2007 года по делу № 48-о06-123// Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2007. – №4. – С.17.

² Назаренко Г.В. Невменяемость в уголовном праве. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. юр. наук. – Орел, 1992. – С.60.

³ Назаренко Г.В. Уголовно-релевантные психические состояния лиц, совершивших преступления и общественно опасные деяния: Монография. – М.: Ось-89, 2001. – С. 86.

этом, немногим более половины прокурорских работников – 53,2% – полагают необходимым использовать термин "психическое расстройство"; среди работников психиатрических учреждений сторонников такого решения вопроса меньшинство – их 44,1% от общего количества опрошенных.

Кроме этого, считаем, что и само отнесение психической болезни к тому или иному виду достаточно условно. Оно может интересовать экспертов для обрисовки клинической характеристики заболевания, но для юристов совершенно не играет никакой роли. "Распределение" болезней по указанным в ст. 21 УК РФ видам психических расстройств (хроническое, временное, слабоумие, иное) абсолютно не влияет на решение вопроса о признании лица невменяемым, и такое разделение представляется лишним смысловой нагрузки.

Несомненно, в определении медицинского критерия невменяемости обязательно должен подразумеваться болезненный характер расстройства психики, так как только они могут образовывать медицинский критерий невменяемости. Все неболезненные расстройства психики (ими Ю.С. Богомягков называет глубокую степень физиологического опьянения, психофизическое недоразвитие несовершеннолетних, физиологический аффект, состояние нервно-психических перегрузок, возникающих в ситуации "человек-машина", глухонмота и другие физические недостатки и некоторые другие состояния, если они не повлекли патологических изменений в психике¹) не могут быть отнесены к медицинскому критерию невменяемости, однако обязательно должны быть учтены при назначении наказания. С.Н. Шишков, подчеркивая болезненный характер расстройства психики, в своих более ранних работах о невменяемости предлагал в качестве наименования медицинского критерия невменяемости использовать термины "психическая болезнь или иное болезненное состояние"². Как

¹ Зиядова Д.З. Некоторые правовые аспекты предупреждения преступности несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. – 2007. – № 3. – С. 19.

² Шишков С.Н. Понятия "вменяемость" и "невменяемость" в следственной, судебной и экспертной практике // Законность. – 2001. – № 2. – С. 17.

указывалось, свое мнение об этом высказывал ещё В.Х. Кандинский, утверждая, что "неболезненные расстройства душевной деятельности не должны у нас исключать вменяемость, исключают ее только душевные расстройства болезненные"¹.

По мнению авторов, "медицинский критерий устанавливается судебно-психиатрической экспертизой". Так как этим занимаются психиатры, то и критерий должен называться психиатрическим². Однако полагаем, что в данном вопросе как раз важна суть данного критерия, а не его название.

Поскольку наличие одного из предусмотренных уголовным законом психических заболеваний является лишь одной стороной невменяемости, отражающей лишь один из критериев невменяемости – медицинский, лицо может быть признано вменяемым и при наличии психического расстройства, если при этом оно не утратило способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. Следовательно, медицинский критерий вменяемости, помимо полного психического здоровья, могут дополнять также и хроническое психическое расстройство, и временное психическое расстройство, и слабоумие, и любое иное болезненное состояние психики. На это прямо указывает В.С. Трахтеров, отмечая, что вменяемость может присутствовать при наличии любого из видов психических расстройств, перечисленных в законе³.

В связи с этим, налицо антиномия, состоящая в том, что медицинский критерий в его нынешнем понимании и может, и не может быть признаком, отличающим вменяемость от невменяемости, что представляется некоторым авторам как нарушение положений формальной логики⁴. Поэтому, отграничение невменяемости от вменяемости по медицинскому критерию не

¹ Кандинский В.Х. К вопросу о невменяемости. – М.: Статут, 2002. – С. 22.

² Богомягков Ю.С. Указ. соч. – С. 107.

³ Трахтеров В.С. Вменяемость по советскому уголовному праву (Конспект лекций). – Харьков, 1966. – С. 15.

⁴ Первомайский Б.В. Критерии невменяемости и пределы компетенции психиатра-эксперта. // Советское государство и право. – 1991. – № 5. – С. 69.

всегда бывает возможным. Процесс отграничения данных категорий всегда должен опираться на рассмотрение каждого из критериев.

По этой же причине нельзя признать обоснованной точку зрения, высказанную Д.В. Сирожидиновым. Последний автор предлагает считать в качестве медицинского критерия ограниченной вменяемости психические аномалии, не достигшие психотического уровня. Отличие же медицинского критерия ограниченной вменяемости и медицинского критерия невменяемости, по его мнению, должно заключаться в том, что "в первом случае характер психического заболевания полностью исключает у такого лица возможность самоконтроля при совершении общественно опасного деяния, тогда как во втором случае такая возможность самоконтроля все же остается ввиду недостижения заболеванием психотического уровня, а, следовательно, ответ на вопрос о вменяемости субъекта является предрешенным, т.е. уголовно-правовая оценка его действий (бездействия) должна быть дана как вменяемому лицу"¹.

С нашей точки зрения автор, считая решение вопроса о вменяемости-невменяемости предрешенным характером психического заболевания, неправомерно ставит решение данного вопроса в зависимость только от психического заболевания, по характеру которого можно судить либо о вменяемости (ограниченной вменяемости), либо о невменяемости. Как было обосновано выше, медицинский критерий не всегда может служить четким мериллом невменяемости.

Относительно медицинского критерия невменяемости имеется мнение, что "...формулировка медицинского критерия невменяемости не может быть признана успешной, поскольку отнесение психической болезни к тому или иному признаку медицинского критерия в ряде случаев достаточно условно"². Предложение автора в данном вопросе сводится к тому, чтобы

¹ Аргунова Ю. Применение нормы об ограниченной вменяемости // Российская юстиция. – 2006. – № 7. – С. 22.

² Сирожидинов Д.В. Ограниченная вменяемость: вопросы теории и практики. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. юр. наук. – Екатеринбург, 1998. – С. 127.

признаки медицинского критерия невменяемости и ограниченной вменяемости были бы идентичными по форме, отличаясь по содержанию¹.

Автор предлагает в качестве медицинского критерия ограниченной вменяемости считать неболезненные психические расстройства и легкие, либо умеренные формы слабоумия. Заметим, что и те, и другие все же являются психическими расстройствами. По-видимому, автор это имеет в виду, отмечая необходимость идентичности медицинских критериев ограниченной вменяемости и невменяемости. Данное положение оспаривает В.А. Якушин, называя в качестве медицинского критерия ограниченной вменяемости не только психические расстройства, но и "физиологический дефект или иные существенные обстоятельства, влияющие на нормальное протекание интеллектуальных и волевых процессов личности, ... не исключающие вменяемость", причем предлагает именно их, а не установленный юридический факт – ограниченную вменяемость – учитывать при назначении наказания². Несогласие с мнением последнего автора аргументировалось при изложении вопросов ограниченной вменяемости.

Юридический (психологический) критерий невменяемости

Отмечая важность юридического критерия невменяемости, Н.С. Таганцев писал, что "только благодаря этому критерию на суде может установиться взаимное понимание врачей и юристов"³.

В.П. Сербский указывал, что "душевное расстройство имеет значение для судьи не как болезнь, а как явление, исключающее ответственность. Не потому человек становится невменяемым, что он болен, а потому, что болезнь лишает его свободы суждения и свободы выбора того или другого

¹ Иванов Н., Брыка И. Ограниченная вменяемость // Российская юстиция. – 2006. – № 10. – С. 18; Мустаханов Р. Вопросы ограниченной вменяемости по УК РФ // Законность. – 1998. – № 7. – С. 15.

² Якушин В.А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве. – Тольятти: ТолПИ, 1998. – С.227.

³ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Т. 1. – М.: Статут, 2004. – С.385.

образа действия"¹.

Психологами верно отмечается ошибочность подхода, согласно которому решающая роль в определении невменяемости отводится медицинскому критерию по схеме "диагноз - вывод о вменяемости-невменяемости"². Как правило, при этом минует рассмотрение психологического критерия. Полагаем, что вполне обоснованы опасения в том, что выявленной медицинской симптоматики (которая, зачастую проводится на день обследования, а не ретроспективно) недостаточно, чтобы судить о вменяемости - невменяемости на момент деяния.

Говоря о недостатках проведения судебной экспертизы, О.Д. Ситковская отмечает, что все заключения экспертов схематичны, что свидетельствует о том, что методика проведения экспертиз отработана и достаточно однообразна. Типичная схема заключения включает в себя анамнез, неврологический и психический статус подэкспертного, перечень некоторых черт его характера, оценку уровня интеллекта и исходит преимущественно из наблюдения при контакте. Основное внимание уделяется обоснованию наличия или отсутствия психического заболевания, а не оценке способности сознавать фактическую сторону и социальную значимость своих действий и руководить ими в конкретной ситуации.³ С данной критикой, свидетельствующей о недостатках в проведении экспертизы психического состояния лица, совершившего общественно опасное деяние, автор настоящего исследования, как практикующий следователь, имеющий опыт назначения подобных экспертиз по уголовным делам, вполне согласен. Следует отметить, что само проведение экспертизы занимает, как правило, не более десятка минут, и состоит в ответах подэкспертного на поставленные экспертами вопросы. Конечно, на вооружении экспертов имеется (по крайней мере, должна иметься, иначе возникает вопрос о допустимости данного

¹ Фейнберг Ц.М. Учение о вменяемости в различных школах уголовного права и в судебной психиатрии. – М.: Юрлитиздат, 1946. – С.37.

² Ситковская О.Д. Психологический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. – М.: Зерцало, 1999. – С.21.

³ Ситковская О.Д. Указ. соч. – С.24.

впоследствии заключения экспертизы как доказательства в уголовном процессе) полная медицинская документация, характеризующий материал на исследуемое лицо и необходимые для проведения экспертизы материалы дела. Однако исходя из данной методики сомнительно, что за этот непродолжительный период времени вообще возможно изучить психическое состояние лица в конкретный момент прошлого, которое иногда отдалено от времени проведения экспертизы на месяцы и даже годы.

К недостаткам предварительного следствия следует отнести то, что следователи зачастую в отношении обвиняемых назначают проведение судебных психиатрических экспертиз, полагая, что для исследования вменяемости субъекта вполне достаточно знаний психиатров. В результате исследования лиц проводятся не всегда полно, а заключения таких экспертиз акцентируют внимание на установление наличия или отсутствия психической болезни, что явно недостаточно.¹

Выход из данной ситуации видится в необходимости применения психологических знаний при определении невменяемости, которые особенно нужны при определении психологического критерия невменяемости.

С учётом изложенного, вполне справедливо отмечается: "Не медицинская дихотомия – норма-патология, а психологическая – способность-неспособность к осознанно-волевому поведению в конкретном случае играет решающую роль в содержательной характеристике вменяемости-невменяемости"².

Согласно материалам дела, С. совершил общественно опасные деяния, запрещенные уголовным законом и содержащие признаки преступлений, предусмотренных ст. 105 ч. 2 п. "а" УК РФ, - убийство, то есть умышленное причинение смерти двум лицам; ст. 105 ч. 2 п. п. "а", "в", "к" УК РФ - умышленное причинение смерти двум и более лицам, заведомо

¹ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник (издание исправленное и дополненное) / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. – М.: Инфра-М, 2006. – С. 123.

² Ситковская О.Д. Указ. соч. – С.25.

находившимся в беспомощном состоянии, с целью скрыть другое преступление; ст. 158 ч. 2 п. "в" УК РФ - кражу чужого имущества с причинением значительного ущерба гражданину, при обстоятельствах, указанных в постановлении.

По заключению стационарной судебной психиатрической экспертизы, проведенной в ГНЦССП имени профессора Сербского 19 июня 2006 года, С. после совершения преступлений обнаруживает признаки временного психического расстройства в форме "депрессивного эпизода средней степени" и по своему психическому состоянию в настоящее время не может осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими и нуждается в направлении на принудительное лечение в психиатрический стационар специализированного типа до выхода из указанного болезненного состояния с последующим направлением на экспертизу для решения диагностических и экспертных вопросов. С учетом заключения экспертов судом вынесено указанное выше постановление.

Потерпевший Т. в кассационной жалобе просит отменить постановление суда и направить дело на новое судебное разбирательство. По его мнению, суд не выполнил указаний суда кассационной инстанции о необходимости проверки доводов потерпевших о более полном исследовании психического состояния С., не удовлетворил их ходатайств о проведении повторной экспертизы, о допросе специалиста - эксперта, составившего заключение о необходимости направления С. на экспертизу, об экспертизе писем, написанных им своей матери, экспертиза могла бы устранить сомнения в его психической невменяемости.

Государственный обвинитель Трифионов А.А. в возражениях на кассационную жалобу просит оставить ее без удовлетворения, а постановление суда без изменения.

Проверив материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы и возражений на нее, Судебная коллегия считает, что оснований для ее удовлетворения не имеется.

Принимая решение по делу, суд, как усматривается из постановления, правильно руководствовался требованиями ст. ст. 21, 81, 97, 99, 101 УК РФ и ст. ст. 442, 443 УПК РФ.

Согласно ч. 1 ст. 443 УПК РФ, признав доказанным, что деяние, запрещенное уголовным законом, совершено данным лицом в состоянии невменяемости или что у этого лица после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение, суд выносит постановление в соответствии со статьями 21 и 81 УК РФ об освобождении этого лица от уголовной ответственности или от наказания и о применении к нему принудительных мер медицинского характера.

Ст. 21 УК РФ установлено, что не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости.

Суд обоснованно, со ссылкой на заключение судебно-психиатрической экспертизы, признал, что С. в настоящее время обнаруживает признаки временного психического расстройства в форме "депрессивного эпизода средней степени" и по своему психическому состоянию не может осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими и нуждается в направлении на принудительное лечение в психиатрический стационар специализированного типа до выхода из указанного болезненного состояния с последующим направлением на экспертизу для решения диагностических и экспертных вопросов.

В соответствии с ч. 1 ст. 81 УК РФ лицо, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, лишаящее его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими, освобождается от наказания. Такое лицо, как предусмотрено ч. 4 ст. 81 УК РФ, в случае выздоровления может подлежать уголовной ответственности и наказанию, если не истекли сроки давности, предусмотренные статьями 78 и 83 УК РФ. Однако в настоящее

время С. находится в состоянии невменяемости и в силу ст. 97 ч. 1 п. "б" УК РФ ему невозможно назначить наказание.

При таких обстоятельствах суд правильно принял решение о применении к С. принудительной меры медицинского характера в виде принудительного лечения в психиатрическом стационаре специализированного типа с интенсивным наблюдением до выхода из болезненного состояния с последующим направлением на экспертизу для решения диагностических и экспертных вопросов¹.

По данным Т.Б. Дмитриевой, процент, отражающий показатели проведения комплексных экспертиз по отдельным субъектам Федерации, невелик, а "на 16 территориях комплексные экспертизы вообще не проводились, на 20 их число не превысило 10%"². Кроме того, по нашему мнению, это важно в аспекте проблемы отграничения невменяемости и ограниченной вменяемости, поскольку при решении вопроса о полной или неполной мере способности осознавать фактические обстоятельства и социальную значимость своего поведения либо руководить им, "без специальных познаний в области психологии не обойтись, а значит, потребуется проведение комплексной психолого-психиатрической экспертизы"³.

В связи с изложенным, можно сказать, что мнение О.Д. Ситковской о решающей роли юридического (психологического) критерия при определении вменяемости-невменяемости вполне обоснованно. Между тем, встречаются и иные мнения по этому вопросу. Так, И.А. Кудрявцев полагает, что при определении медицинского критерия определяющая роль принадлежит эксперту-психиатру, а при определении юридического

¹ Определение Верховного Суда РФ от 24 мая 2007 года по делу № 35-о07-25//Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2007. – № 11. – С.9.

² Комментарий к законодательству РФ в области психиатрии / Под ред. Т.Б. Дмитриевой. – М.: Спарк, 2002. – С.7.

³ Алмазов Б.Н., Волостнов П.А. Способность быть виновным в новых категориях уголовного законодательства Российской Федерации // Российский юридический журнал. – 1998. – № 2. – С. 21.

критерия роли эксперта-психиатра и эксперта-психолога паритетные - "в компетенцию первого входит преимущественно разграничение состояний возможности и невозможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий, т.е. состояний вменяемости-невменяемости. В компетенцию второго – дифференцирование полной и ограниченной регуляции поведения"¹.

Собственное мнение автора настоящего исследования сводится к тому, что медицинский критерий, который в науке уголовного права также именуется "психиатрическим", и должен устанавливаться экспертами-психиатрами, а не юристами. Юридический же критерий невменяемости при проведении экспертизы должен устанавливаться совместно и психиатром, и психологом, а далее анализироваться органом следствия и судом в совокупности со всеми собранными материалами уголовного дела. Как уже указывалось, по медицинскому критерию зачастую просто невозможно провести отграничение вменяемости от невменяемости; более весомое участие в этом отграничении должен принимать юридический (психологический) критерий.

Г.В. Назаренко считает правильным именовать интеллектуальный признак юридического критерия когнитивным. Автор утверждает, что "этот признак следует определять не по принадлежности, а по выполняемой функции, поскольку речь нет о функционировании познавательных (когнитивных) способностей индивида"². Считаем, что такое мнение может быть принято во внимание, но изменение формулировки особой роли в проблеме отграничения вменяемости от невменяемости с преимущественным значением юридического (психологического) критерия не играет.

Ныне действующий уголовный закон отказался от словосочетания "не мог отдавать себе отчет в своих действиях (бездействии) и руководить ими".

¹ Кудрявцев И.А. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза. (Научно-практическое руководство). – М.: Изд-во МГУ, 1999. – С. 172.

² Назаренко Г.В. Принудительные меры медицинского характера в уголовном праве. Учебное пособие для юридических вузов и факультетов. – М.: Ось-89, 2000. – С. 16.

Данная фраза заменена новой о том, что лицо "не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими". Вторая фраза по сравнению с первой более удачна и корректна, поскольку отражает более точно социальную сторону совершаемого деяния и его юридическую значимость. Словосочетание "не могло отдавать отчет" менее понятно и конкретно; не ясно, какой отчет нужно отдавать и в чем конкретно. Представляется неправильным удаление каких-либо элементов из данной формулы. Так, из приведённого выше определения невменяемости, предложенного Г.В. Назаренко, неоправданно удалено указание на исключение при невменяемости возможности лица осознавать фактический характер своих действий (бездействия).

Уровень сознания, учитываемый при решении вопроса о вменяемости-невменяемости, применительно к характеристике интеллектуального (когнитивного) признака юридического критерия, можно установить с помощью теории понимания, разработанной на достаточно высоком уровне психологами и философами¹. С позиции этой теории имеется четыре уровня понимания:

- способность к осмысленному восприятию внешней стороны юридически значимых явлений (время, место, последовательность событий и др.)
- осознание того, что фактически совершает субъект в данный момент времени;
- осознание социального значения юридически значимых явлений;
- личностный смысл юридически значимых событий на уровне их социальных значений.

Указывается, что для вывода о способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий необходимо, чтобы все

¹ Метелица Ю.Л., Шишков С.И. Значение категории понимания в судебной психиатрии // Психологический журнал. – 1989. – № 5. – С. 75-79.

приведённые уровни понимания оставались сохранными, в то время как для обратного вывода достаточно выявить поражение на любом из данных уровней.

Относительно терминов "осознавать" и "понимать" социальное значение юридически значимых явлений высказано, что эти термины используются как равнозначимые. С.Н. Шишков предлагает даже использовать словосочетание о способности понимать значение своих действий (бездействия) в своей редакции ст.21 УК РФ¹.

Кодекс РФ об административных правонарушениях, вступивший в действие 01 июля 2002 года, содержит норму ст.2.8 "Невменяемость", в которой указывает, что "не подлежит административной ответственности физическое лицо, которое во время совершения противоправных действий (бездействия) находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло осознавать фактический характер и противоправность своих действий (бездействия) либо руководить ими..." Как видно, в интеллектуальном моменте юридического критерия законодатель вместо фразы "осознавать общественную опасность" законодатель использует фразу "осознавать противоправность", что представляется более верным².

Вместе с тем, поскольку, как было указано, категории "вменяемость" и "невменяемость", по мнению автора настоящего исследования, являются категориями исключительно уголовного права и не существуют в других отраслях права, это требует своего законодательного закрепления. Как описано выше, признак "общественной опасности деяния" присущ как преступлениям, так и административным правонарушениям, различаясь лишь по степени общественной опасности. Раз вменяемость и невменяемость предлагается использовать только в одной отрасли права - уголовном праве, то и в норме ст.21 УК РФ должно быть прямо указано на то, что невменяемое

¹ Шишков С.Н. Уголовный кодекс России и проблемы невменяемости // Журнал Российского права. – 1998. – № 1. – С. 35.

² Ревин В.П., Алиев З.Г. К вопросу о понятии и уголовно-правовом значении фактической ошибки // Российский следователь. – 2007. – № 1. – С. 16.

лицо во время совершения деяния не может осознавать фактический характер и противоправность своих действий (бездействия). Предлагаем в формулу невменяемости включить осознание не просто противоправности, а уголовной противоправности, что было бы более точным. Из приведённой выше теории понимания видно, что осознание лицом общественной опасности своего деяния не входит ни в один из уровней понимания, в то время, как понимание фактического содержания стороны своих действий и их юридического значения, как видно, составляет ядро данной теории. Как было указано выше, об этом же свидетельствуют дореволюционная научная мысль и законодательство.

При изучении интеллектуального (когнитивного) признака юридического (психологического) критерия следует отметить, что в современном уголовном праве продолжает бытовать устаревшая концепция интеллектуализма, согласно которой сознание полностью "управляет" нашим поведением. На принятие субъектом того или иного решения оказывают сильное воздействие такие факторы, как его эмоциональное состояние в данный момент времени, бессознательные влечения, социальные факторы, установки, привычки и даже принадлежность к той или иной национальности или проживание в том или ином регионе. Необходимо учитывать данные обстоятельства при определении невменяемости лица взамен однозначному подходу концепции интеллектуализма.

По вопросу о юридическом (психологическом) критерии невменяемости имеется мнение о том, что необходимо выделять также эмоциональный признак, так как "при оценке интеллектуального момента вины необходимо учитывать эмоциональное состояние субъекта. Отрицательные эмоции могут парализовать интеллект субъекта, сузить сферу его деятельности, снизить его прогностические возможности"¹. При этом эмоциональное состояние в Уголовном кодексе учитывается лишь в статьях об убийстве, умышленном

¹ Уголовное право России. Часть общая: учебник для вузов (издание второе, переработанное и дополненное) / Под ред. Л.Л. Кругликова. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – С. 174.

причинении тяжкого вреда здоровью и вреда здоровью средней тяжести¹. По нашему мнению, наличие в юридическом критерии интеллектуального и волевого признаков охватывает все многообразие расстройств, включая и расстройства эмоциональной сферы. Этот вывод следует из того, что расстройство эмоциональной сферы в сильной степени сопровождается расстройством интеллекта или воли, либо того и другого одновременно, и при возникновении серьезного расстройства эмоциональной сферы, как правило, обнаруживаются интеллектуальный или волевой признаки психологического критерия². Расстройства эмоциональной сферы "не могут повлечь за собою невменяемости, а лишь могут являться обязательным или факультативным симптомом или синдромом психической болезни, определяющей невменяемость"³. Поэтому эмоциональный признак, являющийся частным случаем, проявлением интеллектуального и волевого признака, не нуждается в отдельном закреплении в психологическом критерии невменяемости.

Юридический критерий невменяемости дополняется волевым признаком, означающим неспособность руководить своими действиями. Относительно данного признака высказано мнение, что термин "руководить" недостаточно четкий, требуется заменить его на термин "контролировать". Однако считаем, что такое изменение, не носящее принципиального характера, не значительно и не столь необходимо. Формулировка волевого признака изменений не требует.

Таким образом, в соответствии с изложенными соображениями о невменяемости в уголовном праве, предлагаем закрепить в Уголовном кодексе РФ следующую редакцию нормы ст.21 УК РФ:

"Статья 21. Невменяемость.

"1. Не подлежит уголовной ответственности лицо, признанное

¹ Луни Д.Р. Указ. соч. – С.37.

² Кубанцев С.П. Волевой признак невменяемости // Право и политика. – 2007. – № 2. – С. 17.

³ Шахриманьян И.К. Невменяемость по советскому уголовному праву. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. юр. наук. – Л., 1961. – С. 158.

невменяемым, то есть лицо, которое во время совершения деяния не могло осознавать фактический характер и уголовную противоправность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие болезненного расстройства психики.

2. Лицу, признанному невменяемым, судом могут быть назначены принудительные меры медицинского характера, предусмотренные настоящим Кодексом".

При рассмотрении критериев невменяемости невозможно оставить в стороне достаточно сложную проблему, поднятую С.Н. Шишковым, - о конвенционализме. Придавая ему большое значение, автор утверждает, что конвенционализм "способен до основания потрясти здание современной судебной психиатрии"¹. При этом официального признания данное определение в судебной психиатрии не получило в силу возложенных на него табу. Однако мы вполне согласны с С.Н. Шишковым в том, что время для серьёзного разговора по этой проблеме давно наступило.

Во-первых, что такое конвенционализм. Значительная часть судебно-психиатрических оценок носит конвенциональный (договорной характер). Это положение вовсе не означает, что эксперты в результате каких-то договоров, завершившихся принятием документа, заверенного подписью всех участников, приходят к тому или иному мнению. Речь идет о том, что судебно-психиатрические оценки базируются на условных договоренностях между судебными психиатрами о том, чтобы считать одни психопатологические состояния исключаящими определенные юридически значимые способности субъекта права, а другие нет.

С.Н. Шишковым справедливо отмечается, что в советское время сказать о конвенциональности в судебной психиатрии было опасно, поскольку эксперта могли обвинить в профессиональной непригодности². Мысль о конвенциональной природе каких-либо важных понятий судебной

¹ Шишков С.Н. Судебный казус и необходимое предисловие// Человек. – 1994. – № 4. – С. 6.

² Шишков С.Н. Указ. соч. – С. 9.

психиатрии была крамольной и могла быть расценена как методологическая капитуляция. Поэтому уверенно заявлялось, что советские ученые в области судебной психиатрии вполне могли познать истину.

С.Н. Шишков обращает внимание на то, что законодательное определение невменяемости как невозможности лица во время совершения общественно опасного деяния отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими вследствие указанных в законе видов психических расстройств, а равно и другие определения, предлагаемые авторами в целях усовершенствования законодательного определения невменяемости, всего лишь формулы, которые "символичны, абстрактны и почти лишены смысла", либо "красивые метафоры"¹.

Отмечая, что в ситуации, где имеют место случаи очень глубоких психических расстройств, когда отсутствует членораздельная речь и простейшие навыки самообслуживания, С.Н. Шишков утверждает, что для судебного психиатра всё ясно. Ещё раньше по этому поводу Д.Р. Луни писал, что "существует ряд психических заболеваний, которые по характеру вызываемых ими психических нарушений в подавляющем большинстве случаев исключают вменяемость вне зависимости от формы болезни и её стадии. Таковы, например, старческие психозы и нелеченый прогрессивный паралич"².

В то же время серьёзные проблемы возникают при определении целого ряда относительно легких случаев, прежде всего психопатий и неврозов. Поэтому предметом спора и неоднозначной оценки являются случаи, когда мы имеем дело с больными с относительно сохранной, "формально сохранной психикой". В данных случаях, по мнению автора, стопроцентно надёжные и абсолютно бесспорные доказательства приведённого тезиса едва ли существуют. Скорее всего, их просто нет. "Остаётся лишь констатировать,

¹ Шишков С.Н. Общественно опасное поведение, уголовная юстиция и судебная психиатрия: послесловие переводчика // Философская и социологическая мысль. – 1991. – № 7. – С. 114.

² Луни Д.Р. Указ. соч. – С. 143.

пишет далее С.Н. Шишков, что в рамках избранной нами парадигмы ... мы соглашаемся считать данную категорию больных подпадающих под существующие критерии невменяемости, то есть неспособными отдавать себе отчет в своих действиях и ими руководить. Иными словами, мы признаем таких больных невменяемыми на основе условных договоренностей ("конвенций") между соответствующими специалистами"¹.

Освещая проблему конвенционализма в другой своей работе, С.Н. Шишков отмечает, что все научные доказательства невменяемости не вполне объективны, приводимые судебными психиатрами аргументы и контраргументы относительно правильности экспертных оценок следует признать псевдодоказательством, а научное знание здесь не является средством постижения истины.

Автором указывается на несовершенство общеметодологической основы, на базе которой осуществляются в течение многих десятилетий судебно-психиатрические оценки психического состояния субъектов права. Данной основой считается "осевая модель", которая "отражает череду психопатологических состояний в виде плавного перехода от психического здоровья к болезненному психическому расстройству и далее к постепенному усилению его тяжести (глубины). Наглядно этот процесс можно представить в виде оси-полосы, начинающейся с белого цвета и через постепенное нарастание серых полутонов переходящей в абсолютно черный". Данное образное сравнение С.Н. Шишкова перехода от состояния психического здоровья к психическим расстройствам согласуется с представлениями. При этом следует привести замечание, высказанное ещё в начале XX века о том, что "нельзя просто утверждать, будто степень вменяемости увеличивается с уменьшением силы душевного расстройства"². Замечание, по нашему мнению, вполне справедливо, поскольку при решении вопроса о вменяемости-невменяемости должен приниматься во внимание

¹ Шишков С.Н. Указ. соч. – С. 114.

² Шишков С.Н. "Осевая" модель в судебной психиатрии // Человек. – 1994. – № 4. – С. 10.

помимо медицинского и юридический (психологический критерий).

Необходимо отметить, что сегодня прозвучала также мысль о том, что ряд психических расстройств, признаются несовместимыми с вменяемостью не потому, что обретена, наконец, возможность точных экспертных оценок-измерений. Опыт показывает, что признание вменяемыми лиц, страдающих этими расстройствами, и наложение на них наказания (особенно лишение свободы) ведет к обострению болезни, чреватому угрозой здоровью самого больного и безопасности окружающих.

Делается следующий вывод, что лицо признается невменяемым не потому, что существуют точные признаки расстройств, а потому, что считается нецелесообразным отбывание наказания того или иного лица с заболеванием в тюрьмах и колониях. Всё тем же учёным (С.Н. Шишковым) поднят важный вопрос зависимости решения о невменяемости от каких-либо условий, существующих в государстве – невозможность проводить соответствующее лечение, ненадлежащие условия отбывания наказания, или недостаток финансирования пенитенциарных учреждений. В действительности же, по нашему мнению, признание лица невменяемым или вменяемым не должно зависеть от данных причин. Подобная практика грубо нарушает права человека, который ставится в зависимость признания невменяемым с дальнейшими правовыми последствиями этого решения от вышеуказанных обстоятельств. Это также не способствует эффективному выполнению правоохранительными органами задач, поставленных перед ними в данной области.

Таким образом, видно, что здесь суждение о вменяемости-невменяемости лица может определяться не столько их критериями, сколько практическими соображениями. Мы считаем, что данная позиция не имеет никакого отношения к конвенционализму в судебной психиатрии (скорее, это некий рационализм), а заключение, построенное на данных соображениях, не имеет признаков научности. Такое положение вещей также наделяет судебного психиатра полномочиями по определению судьбы уголовного дела,

характера правовых последствий в отношении, исследованного ими лица, то есть, фактически, полномочиями судьи.

Поэтому мы согласны с мнением С.Н. Шишкова о том, что такая практика "ведет к понятийной и терминологической путанице, чревата ревизией норм, касающихся вины, ответственности, вменяемости, наказания, исправительных мер и мер медицинского характера"¹. Более того, считаем также, что это может подорвать основные принципы уголовного права: ответственность за вину, назначение и освобождение от наказания только судом, (а не врачами, или каким-либо другим органом)².

Неприемлемость данного подхода объясняется также тем, что, по сути, невменяемость при нём признаётся лишь на основании одного её медицинского критерия - наличия болезни, при этом способность лица осознавать социальную сторону и фактический характер совершаемого и руководить своими действиями в данном случае не принимается во внимание вовсе.

Завершая дискуссию о концепции конвенционализма, можно предположить, что аргументом, выступающим за возможность её существования, служит то обстоятельство, что оно широко применяется и в теории уголовного права. Так, в частности, такая же условность, как нам представляется, присутствует и в наступлении уголовной ответственности при достижении лицом определённого возраста (16 лет по общему правилу и 14 лет в определенных законом случаях), когда на данный момент лицо по уровню своего развития признается не осознающим фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и не могущим руководить ими, а, скажем, на следующий день считается приобретшим вышеуказанные способности и поэтому признается субъектом уголовной ответственности. В действительности же, подросток и до достижения

¹ Шишков С.Н. "Очевидность" в судебно-психиатрической экспертизе // Человек. – 1994. – № 4. – С. 16.

² Чередниченко Е.Е. Принципы уголовного законодательства: понятие, система, проблемы законодательной регламентации. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – С. 78.

возраста уголовной ответственности может осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и может руководить ими, однако это обстоятельство для уголовного закона безынтересно. Естественно, налицо условность, носящая некоторый конвенциональный характер, которая, однако, вполне обоснована и необходима.

1.2 Понятие и значение ограниченной вменяемости

Уголовная ответственность лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемость носит особый, специальный характер. В связи с чем, необходимо рассмотреть аспект назначения наказания данной категории лиц.

После введения в УК РФ положения об ограниченной вменяемости в печати появились работы, в которых при анализе практики применения ст. 22 УК РФ отмечается, что судьи не подготовлены к восприятию новеллы, лишены навыков в самостоятельном решении вопросов учета психических особенностей при индивидуализации наказания, вызывают экспертов, требуют представить дополнения к акту экспертизы.

Выборочный анализ уголовных дел, рассмотренных судами г. Москвы, проведенный кандидатом юридических наук Ю. Аргуновой, выявил 6 различных типов реакции судебно-следственных органов на заключение судебно-психиатрической экспертизы об ограниченной вменяемости обвиняемого:

1. Первый тип характеризуется растерянностью и сопротивлением, сопровождающимся необоснованным назначением повторных и дополнительных экспертиз, ошибками при формулировании вопросов экспертам, затягиванием сроков рассмотрения дела и т.д.

2. Второй тип – игнорирование факта ограниченной вменяемости лица, как в обвинительном заключении, так и в приговоре.

3. Третий тип реакции можно назвать формальным. Суд в приговоре отмечает, что учитывает состояние подсудимого в момент совершения преступления, однако в чем это выражается, не уточняет.

4. Четвертый тип реакции судебных органов носит половинчатый характер. Суд, не оценивая самого факта ограниченной вменяемости обвиняемого, не указывая на него в данных о личности, переносит в приговор лишь рекомендацию экспертов о принудительном лечении, назначая его наряду с наказанием.

5. Пятый тип является проявлением бездумности и невнимания, сопровождающимся даже нарушением закона.

6. Шестой тип можно охарактеризовать как реальный фактический учет данного обстоятельства.

Таким образом, ограниченная вменяемость обвиняемого требует дифференцированной оценки и учёта следствием и судом в каждом конкретном случае. Непринятие ее во внимание должно быть отражено в обвинительном заключении и приговоре суда и являться обоснованным.

Психическое расстройство, не исключающее вменяемости, но затрудняющее способность понимать характер, значение и последствия своих действий (бездействия) либо воздержаться от преступного деяния, может признаваться судом обстоятельством, смягчающим наказание. Вместо кратких сроков лишения свободы в отношении ограниченно вменяемых целесообразно применять любые более мягкие виды и меры наказания, а также условное осуждение. Вместе с тем таким лицам не исключается назначение любого строго наказания при наличии отягчающих обстоятельств. Ограниченная вменяемость может быть не принята во внимание судом и не оказать влияния на меру наказания. Таким образом, наличие ограниченной вменяемости не следует автоматически рассматривать как смягчающее обстоятельство. Суд обязан исходить из общих начал назначения наказания.

Всеми исследователями, как юристами, так и психиатрами, признается,

что среди преступников имеется довольно большая группа лиц, страдающих психическими аномалиями. Многие авторы считают, что такие лица совершают преступления, будучи уменьшение вменяемыми.

Вопрос об уменьшенной вменяемости является дискуссионным. Споры об этом в западноевропейской и русской литературе начались около 150 лет назад (Ю. Я. Хейфец). По-разному решался этот вопрос в уголовном законодательстве европейских стран в прошлом столетии. Русское уголовное законодательство такого термина не знало.

Среди различных школ уголовного права (классической, социологической и антропологической) не было единого мнения об уменьшенной вменяемости. И в настоящее время этот вопрос остается спорным как в доктрине отечественного уголовного права, так и в судебной психиатрии.

Поэтому целесообразно рассмотреть первоначально вопрос об уменьшенной вменяемости в рамках исторически сложившихся школ уголовного права с анализом взглядов основных представителей этих школ и их влияния на уголовное законодательство.

Как уже отмечалось, вопрос об уменьшенной вменяемости тесно связан с категориями невменяемости и вменяемости. В современной постановке вопроса проблема невменяемости и вменяемости возникла на рубеже XVIII и XIX веков. Еще в середине XVIII века в Западной Европе и в России душевнобольные преступники осуждались и наказывались точно так же, как и здоровые, преступившие закон лица. Перед судом не вставала задача выяснять, находился ли подсудимый при совершении преступления в состоянии душевного здоровья или нет.

И только в 1939 году основоположник классической школы уголовного права Ч. Беккария в своем труде «О преступлениях и наказаниях», наряду с французским врачом-психиатром Ф. Пинелем, призвал к изменению существующей в Европе системы уголовной юстиции. Научные труды и практическая деятельность Пинеля не только привели к изменению

отношения к душевнобольным в психиатрических больницах (во Франции с душевнобольных были сняты цепи), но и заставили юристов задуматься над проблемой невменяемости и вменяемости лиц, совершивших общественно опасные деяния.

Впервые определение невменяемости было приведено в ст. 64 Французского уголовного кодекса 1810 года. Ее появление в уголовном законе трудно переоценить, хотя в этой формулировке – «нет преступления, ни проступка, если во время совершения деяния обвиняемый был в состоянии безумия» – используется только один медицинский критерий. Статья была воспринята, а затем и усовершенствована в некоторых уголовных кодексах европейских государств.

В Своде законов России 1832 года появилась ст. 136, в которой говорилось: «Преступление, учиненное в безумии и сумасшествии, не вменяется в вину».

После того как психиатры и юристы столкнулись на практике с проблемой невменяемости и вменяемости, выяснилось, что между состоянием невменяемости и вменяемости находится большая группа лиц, которые, хотя и являются вменяемыми в отношении совершенного преступления, но страдают психическими аномалиями, оказывающими определенное влияние на их поведение. В связи с этим в законодательстве некоторых стран появились ссылки на уменьшенную вменяемость, а в литературе стал дискутироваться вопрос об уменьшенной вменяемости.

Впервые об уменьшенной вменяемости упоминают уголовные кодексы (1840-1845 гг.) германских государств, в которых, в числе факторов, ее обуславливающих, назывались слабоумие, недостаточное развитие, старческая дряхлость, опьянение, полное отсутствие воспитания, крайне неблагоприятная и развращающая обстановка в детстве.

Русскому уголовному законодательству термин «уменьшенная вменяемость» известен не был, хотя в своде уголовных законов (1857 г.) в числе обстоятельств, «уменьшающих вину», было указано: «...если

преступление учинено им [виновным] по легкомыслию или же слабоумию, глупости и крайнему невежеству, которым воспользовались другие для вовлечения его в преступление».

В последующем уголовном законодательстве (1864 - 1889 гг.) некоторых стран, например шведском, датском, финляндском, в результате признания уменьшенной вменяемости обвиняемого также предусматривалось смягчение наказания.

Все эти законодательства находились под влиянием классической школы уголовного права, представители которой (И. Бентам, А. Фейербах и др.) неразрывно связывали вменяемость и вину, считая, что кто несет на себе меньше субъективной вины, тот должен нести и меньшее наказание. Эту связь они усматривали, основываясь на идее о том, что психически неполноценное лицо обладает меньшей злой волей, следовательно, вина его меньше, и он должен нести меньшее наказание.

Идеалистическая оценка свободы воли представителями классической школы приводила к тому, что источником преступления, по их понятиям, являлась злая воля, выступающая как самостоятельное духовное начало, а психическая болезнь ограничивала свободу воли преступника.

Однако не все представители классической школы уголовного права высказывались за введение в уголовный закон понятия уменьшенной вменяемости. Такую позицию, например, занимал известный русский криминалист Н. С. Тяганцев, который считал, что внесение в закон понятия уменьшенной вменяемости, обязательно влияющего на уменьшение ответственности, «представляется не только излишним, но и нежелательным, по своей неопределенности и односторонности».

Другой представитель классической школы – А. Ф. Кистяковский также высказывался против признания в уголовном праве понятия уменьшенной вменяемости.

Взгляды сторонников классической школы уголовного права разделяли В. Х. Кандинский и В. П. Сербский.

Таким образом, классическая школа уголовного права сосредоточила свое внимание на решении вопроса о том, вводить ли понятие уменьшенной вменяемости в уголовное законодательство, признавая во всех случаях ее в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность и наказание. Они считали, что наказываемся, прежде всего, преступление и с ним преступник и наказание должно быть соразмерным тяжести преступления.

Совершенно иными были позиции социологической школы уголовного права. По мнению ее представителей (Лист, Тард, Принс и др.), наказание должно служить защите общества от преступности, бороться с которой можно только воздействуя на факторы, порождающие преступность. Факторы же эти коренятся в среде, окружающей преступника, и в его индивидуальной психологии. Поэтому объектом наказания является не преступление, а сам преступник, его антисоциальные инстинкты и склонности. Для решения своих целей социологическая школа использовала понятие уменьшенной вменяемости.

Все преступники некоторыми представителями этой школы делились на две группы: случайные, совершающие преступления под действием внешних условий, и привычные (хронические), совершающие преступления в силу внутренних свойств, чаще всего психических аномалий. Выведение прямой зависимости от психических аномалий оказало влияние на формирование представлений социологической школы об уменьшенной вменяемости.

Все лица, совершившие преступления в состоянии уменьшенной вменяемости, некоторыми представителями социологической школы делились на «опасных» и «менее опасных». Для опасных преступников предлагался не только особый тюремный режим, но и применение мер безопасности еще до совершения преступления. Для опасных уменьшение вменяемых преступников выдвигались идеи неопределенных приговоров (без решения суда о сроке наказания), а также о возможности продления срока наказания в виде лишения свободы после отбывания назначенного судом срока по приговору. Очевидно, что такие предложения противоречили

элементарным понятиям законности и гарантиям прав человека.

Эти взгляды подверг резкой критике известный русский криминалист И. Я. Фойницкий, также сторонник социологической школы уголовного права. Он подчеркивал, что отрицание вменения привело к отрицанию наказания в современном его значении, к различным вариантам лечения преступников.

Русская группа (П. И. Люблинский, М. Н. Гернет, А. Н. Трайнин и др.), не соглашаясь с реакционными идеями некоторых представителей социологической школы Запада, возражала против категории «опасный преступник» применительно к лицам, имеющим психические аномалии.

Некоторые положения социологической школы перекликались с взглядами антропологической школы уголовного права, которая хотя и уделяла основное внимание биологическим факторам, но и не отрицала существенного влияния факторов социальных.

Вместе с тем нельзя не отметить, что антропологическая школа – одно из наиболее реакционных направлений в уголовном праве (Ломброзо, Ферри, Гарофало и др.). Некоторые положения антропологической школы использовались идеологами фашизма. Представители этой школы считали преступность патологическим явлением биологического характера, постоянной спутницей человека, а преступление – результатом болезни, нравственного помешательства. При таком подходе не нужны понятия вменяемости, невменяемости и уменьшенной вменяемости.

В последующие годы взгляды на невменяемость, вменяемость и уменьшенную вменяемость среди представителей различных школ уголовного права существенно не изменились. В Западной Европе преобладали антропологическое и вульгарно-социологическое направления, которые обсуждали отношение к психопатам-преступникам. Представители антропологической школы в 50-х годах высказывались за то, чтобы психопатов признавать невменяемыми и лечить. Согласно взглядам вульгарно-социологической школы, психопатов следует признавать

вменяемыми и наказывать.

Представители обоих направлений согласились с требованием, которое было сформулировано Гиббсом, о том, чтобы в отношении преступников-психопатов применять принцип «неопределенного приговора».

Сторонники уменьшенной вменяемости допускали возможность снижения наказания таким лицам, но в отношении особо опасных аномальных преступников признавали необходимым применение превентивных мер безопасности.

В современном уголовном законодательстве зарубежных стран также предусматривается возможность признания уменьшенной вменяемости лиц с психическими аномалиями, которые совершили преступления. Уменьшенная вменяемость в различных формулировках признается, например, уголовными законодательствами Дании, Италии, Финляндии, Швейцарии, Японии.

Наиболее полно вопросы, связанные с уменьшенной вменяемостью, регламентированы в УК Швейцарии 1937 года. Уменьшенная вменяемость считается установленной, если вследствие расстройства душевной деятельности или сознания или вследствие недостаточного умственного развития преступник в момент совершения деяния не обладал полной способностью оценивать противоправность своего поведения и руководствоваться этой оценкой. Суд по своему усмотрению такому лицу смягчает наказание. Положение об уменьшенной вменяемости, как и о невменяемости, не применяется, если обвиняемый сам вызвал тяжкое изменение или расстройство сознания с намерением совершить преступление.

Гражданский уголовный кодекс Дании 1939 года предусматривает не уменьшенную вменяемость, а психические аномалии как обстоятельство, влияющее на наказание (может быть назначено, например, наказание, которое отбывается в тюрьме для психопатов).

Вопросы, связанные с уменьшенной вменяемостью лица, совершившего преступление, рассмотрены в уголовных кодексах Венгрии, Польши,

Германии, Чехии и Словакии.

На формирование отношения к понятию уменьшенной вменяемости в нашей стране оказали существенное влияние ошибки, которые были допущены в первой половине 20-х годов при производстве судебно-психиатрических экспертиз. В те годы человеческая личность и ее поведение биологизировались. Поведение человека в обществе получало объяснение с точки зрения конституциональных особенностей личности. Широко ставился диагноз психопатий. Концепция психопатий была положена в основу криминальной психопатологии, которая пыталась объяснить преступление исходя из конституциональных биологических и патологических особенностей той или иной личности. Не было четко сформулированных критериев невменяемости, что позволяло широко толковать это понятие.

В 1921 году, из прошедших экспертизу, в институте не было ни одного испытуемого, признанного вменяемым. Эти лица направлялись в психиатрические больницы, откуда быстро выписывались, запасаясь справками о душевной болезни, и вновь совершали преступления. Была замечена ошибочность такой практики, внесены коррективы, а признание преступных лиц уменьшенными вменяемыми к 1928 году вообще прекратилось.

Факты ошибочной трактовки уменьшенной вменяемости при производстве судебно-психиатрических экспертиз получили отрицательную оценку среди психиатров и юристов. Вместе с тем отрицательную оценку получила и сама идея уменьшенной вменяемости. С конца 20-х и до середины 60-х годов этот вопрос позитивно почти не рассматривался.

Возникает вопрос: актуальна ли проблема уменьшенной вменяемости в настоящее время. По мнению Ю. М. Антоняна и С. В. Бородина, ответ может быть только положительным, так как психические аномалии не только не исчезли, но их не становится меньше. Сталкиваются с этой проблемой и теперь в судебной психиатрии, признавая наличие среди лиц, поступающих на судебно-психиатрическую экспертизу, большой группы с пограничными состояниями, но вопрос об уменьшенной вменяемости остается спорным.

Уменьшенная вменяемость – это, прежде всего, проблема юридическая. Вопрос о психических аномалиях должен получить юридическое решение.

О месте и значении понятия уменьшенной вменяемости в уголовном праве высказаны три точки зрения.

Одни (И. К. Шахриманьян, А. А. Хомсовский) считают, что суд в соответствии с действующим законодательством вправе учесть любые обстоятельства, в том числе и психические аномалии, наряду с другими данными дела.

Другие (Г. И. Чечель, Р. И. Михеев) полагают, что наличие у преступников психических аномалий должно учитываться в уголовном законодательством в качестве смягчающего обстоятельства, с тем чтобы, имелась возможность смягчения наказания в случаях, если расстройство психики ограничивало способность виновного сознавать общественную опасность своих действий или руководить ими, а наряду с мерами наказания должны применяться принудительные меры медицинского характера.

Предлагалась и более осторожная формулировка о том, что суд вправе признать наличие психических аномалий в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность, и наряду с наказанием такого лица может быть применено принудительное лечение в соответствующих медицинских учреждениях (Р. И. Михеев).

Представляется, что проблема лиц с психическими аномалиями, совершивших преступления, может получить положительное решение в полном объеме в рамках уменьшенной вменяемости. Однако в научной литературе высказывается ряд возражений против понятия уменьшенной вменяемости.

Наиболее существенными возражениями представляются ссылки на трудности определения критериев уменьшенной вменяемости. Однако, по мнению Ю. М. Антоняна и С. В. Бородина, какой-либо новый юридический критерий и не нужен, поскольку уменьшенная вменяемость – это все же вменяемость, а не какое-то совсем новое качество.

Некоторые авторы считают, что психологический (юридический) критерий уменьшенной вменяемости налицо, когда способность отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими, хотя и не была утрачена, но была ослаблена, снижена (И. Е. Авербух, Е. А. Голубева).

Признаки медицинского критерия также могут быть обозначены, тем более, что проблема пограничных состояний не является белым пятном в отечественной психиатрии. В судебной психиатрии разработаны критерии и признаки вменяемости при различных нозологических формах психической патологии, включая те, которые чаще других могут свидетельствовать об уменьшенной вменяемости. Когда же речь идет об отсутствии четких «клинических критериев», то, вероятно, следует иметь в виду сложность разграничения степени тяжести того или иного психического заболевания, а не отсутствие медицинского критерия уменьшенной вменяемости, который должен содержать перечень чаще всего встречающихся психических аномалий для определения уменьшенной вменяемости.

При этом необходимо учитывать, что уменьшенная вменяемость, как и вменяемость, связана не с виной, а с уголовной ответственностью за совершенное деяние. Лицо, признанное уменьшенным вменяемым, несет уголовную ответственность на общих основаниях, а при назначении наказания суд учитывает степень осознания этим лицом фактической стороны и общественной опасности совершенного деяния.

Возникает вопрос, в какой же степени уменьшенная вменяемость должна влиять на наказание?

Представляется, что суд должен исходить из общих начал назначения наказания, учитывать степень и характер общественной опасности совершенного преступления, личность виновного и обстоятельства дела, смягчающие и отягчающие ответственность. В числе других обстоятельств должна рассматриваться и категория уменьшенной вменяемости в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность. При этом категория уменьшенной вменяемости может быть при назначении наказания не принята

во внимание судом и остаться нейтральной, не оказывающей влияние на меру наказания.

Важное значение имеет вопрос о видах и мерах наказания, которые могут применяться к лицам, признанным уменьшение вменяемыми. Высказывается мнение, что, в принципе, это могут быть любые меры наказания, предусмотренные уголовным кодексом. Однако в отношении этой категории лиц нецелесообразно применять наказание в виде лишения свободы на краткие сроки. Вместо кратких сроков лишения свободы в отношении таких лиц, в принципе, могут быть применены любые более мягкие виды и меры наказания, а также условное осуждение (Ю. М. Антоян, С. В. Бородин). Наказания, не связанные с лишением свободы, при необходимости могли бы сочетаться с лечением в психиатрическом или ином медицинском учреждении.

Таким образом, проведенное ретроспективное рассмотрение аргументов за введение понятия уменьшенной вменяемости и против этого приводит к выводу о том, что уменьшенная вменяемость в ее традиционной трактовке как обстоятельства, уменьшающего вину и во всех случаях смягчающего наказание, не может быть воспринята уголовным правом нашей страны. Возникает необходимость дать новую трактовку категории уменьшенной вменяемости.

По данным Ю. М. Антояна и соавторов, основные черты определения понятия уменьшенной вменяемости представляются следующими:

- это категория уголовного права, характеризующая психическое состояние группы лиц с психическими аномалиями, совершивших преступления;
- это не промежуточная категория между вменяемостью и невменяемостью, а составная часть вменяемости;
- как часть вменяемости, она служит предпосылкой уголовной ответственности лиц с психическими аномалиями, совершивших преступления;

- она является обстоятельством, смягчающим уголовную ответственность, но не имеет самодовлеющего значения и учитывается судом при назначении наказания в совокупности с другими данными и обстоятельствами, характеризующими преступление и личность подсудимого;

- она может служить основанием для определения режима содержания осужденных к лишению свободы и назначения принудительного лечения, сочетаемого с наказанием;

- она относится только ко времени совершения лицом преступления и самостоятельно никаких правовых или иных последствий после отбытия наказания не влечет;

- ее может констатировать следователь в постановлении и суд в приговоре на основании компетентного заключения об этом эксперта.

В связи с предложением иной трактовки уменьшенной вменяемости автор считает целесообразным заменить и ее наименование, введя термин «пограничная вменяемость», предложенный впервые Н. И. Фелинской, т.е. вменяемость, лежащая на границе между нормой и патологическим состоянием. Продолжая эту мысль, отметим, что психические аномалии в психиатрии относятся к пограничным между нормой и патологией состояниям. Так что термин «пограничная вменяемость» не окажется каким-то новым и неизвестным.

В итоге, под пограничной вменяемостью следует понимать психическое состояние лица, не исключающее уголовную ответственность и наказание, при котором во время совершения преступления была ограничена способность давать себе отчет в своих действиях, бездействии (сознавать фактическую сторону и общественную опасность деяния) или руководить ими в силу расстройств психической деятельности (психических аномалий) (Ю. М. Антонян, С. В. Бородин).

Приведенное определение понятия пограничной вменяемости характеризует ее уголовно-правовое значение для уголовной

ответственности, индивидуализации этой ответственности по делам о групповых преступлениях, назначения наказания, вида режима и возможного применения принудительного лечения.

2 УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЛИЦ С ПСИХИЧЕСКИМИ АНОМАЛИЯМИ

2.1 Понятие и виды принудительных мер медицинского характера

Уголовный кодекс РФ содержит ст. 97 "Основания применения принудительных мер медицинского характера". Одним из оснований применения этих мер в соответствии с ч. 1 ст. 97 УК является возможность назначения их судом лицам, совершившим общественно опасные деяния, предусмотренные Особенной частью УК. При отсутствии в деянии признаков состава преступления либо совершении лицом малозначительного деяния, или недоказанности совершения деяния данным лицом дело должно быть прекращено, а следовательно, нет оснований для назначения принудительных мер медицинского характера.

Так, Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10.04.1997 обоснованно отменено Определение Ульяновского областного суда в отношении Васина (дело направлено на новое рассмотрение). Васин совершил ряд общественно опасных деяний. На основании п. "г" ч. 1 ст. 99 УК ему было назначено принудительное лечение в психиатрическом стационаре специализированного типа с интенсивным наблюдением, так как он страдает реактивным истерическим психозом. Однако суд судебное разбирательство провел поверхностно, не проверил обстоятельства, имеющие существенное значение для решения вопроса о доказанности совершения данным лицом общественно опасных деяний, а следовательно, и о применении к Васину принудительной меры медицинского характера.

Вторым основанием применения принудительных мер медицинского характера является наличие у лица, совершившего общественно опасное деяние, психического расстройства.

Уголовный закон называет три категории лиц, страдающих психическими расстройствами, к которым могут быть применены принудительные меры медицинского характера (п. п. "а", "б", "в" ч. 1 ст. 97 УК):

а) совершившие общественно опасные деяния в состоянии невменяемости;

б) у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказания;

в) совершившие преступление и страдающие психическими расстройствами, не исключающими вменяемости.

При признании лица невменяемым в отношении совершенного им общественно опасного деяния, а также при подтверждении связи психических расстройств лица с возможностью причинения этим лицом иного существенного вреда (риск совершения им повторного общественно опасного деяния) либо с опасностью для себя и других лиц (попытки самоубийства, вспышки агрессивности) суд может назначить принудительные меры медицинского характера.

Таким образом, можно отнести к основаниям применения принудительных мер медицинского характера три обстоятельства:

1. совершение лицом преступления (общественно опасного деяния);
2. наличие у лица, его совершившего, психических аномалий различной степени тяжести;
3. такой характер психических аномалий, который связан с возможностью причинения этим лицом иного существенного вреда либо с опасностью для себя или других лиц.

В соответствии с законом (ст. 98) "целями применения принудительных мер медицинского характера являются излечение лиц, указанных в ч. 1 ст. 97 настоящего Кодекса, или улучшение их психического состояния, а также предупреждение совершения ими новых деяний, предусмотренных статьями Особенной части настоящего Кодекса".

В случае назначения принудительных мер медицинского характера по существу речь идет о двух направлениях деятельности: медицинском и правоохранительном. Цель медицинского характера определяется альтернативно: "излечение" либо "улучшение психического состояния" психически больных лиц. Целью правового характера является предупреждение совершения ими новых общественно опасных деяний.¹

В юридической литературе отмечается, что перечень целей, закрепленный в ст. 98 УК РФ, является неполным. Рядом ученых высказывается предложение отнести к целям принудительных мер медицинского характера "проведение мер социальной реабилитации" (выработка у больных навыков жизни в обществе) в той мере, в какой это возможно в условиях медицинских учреждений, осуществляющих принудительное лечение.² Иногда к целям применения принудительных мер медицинского характера относят создание условий, способствующих лечению ограниченно вменяемых, алкоголиков и наркоманов и достижению целей наказания.

Принудительные меры медицинского характера имеют двуединую цель. С одной стороны, применение принудительных мер медицинского характера защищает интересы больного, поскольку реализация этих мер направлена на излечение либо улучшение его психического состояния. С другой стороны, принудительные меры медицинского характера выражают интересы общества, так как осуществление принудительного лечения направлено на предотвращение новых уголовно-противоправных действий со стороны психически больных лиц.

Субъектами принудительного воздействия медицинского характера являются три категории лиц: невменяемые лица; вменяемые субъекты, у

¹ Назаренко Г.В. Принудительные меры медицинского характера в уголовном праве: Учебное пособие для юридических вузов и факультетов. – М.: Юристъ, 2000. – С. 25.

² Достовалов С.А. Цели применения принудительных мер медицинского характера // Законность. – 2000. – № 1. – С. 50.

которых психическое расстройство наступило после совершения преступления; ограниченно вменяемые лица.

Невменяемые – это лица, совершившие общественно опасные деяния в состоянии психического расстройства либо иного болезненного состояния психики, вследствие которого такое лицо не могло действовать осознанно либо руководить своими действиями во время совершения опасного деяния.

Уголовный закон (ч. 1 ст. 21 УК) называет следующие четыре группы расстройств, относящихся к формуле невменяемости: хроническое психическое расстройство, временное психическое расстройство, слабоумие и иное болезненное состояние психики.

Хроническое психическое расстройство практически неизлечимо, оно характеризуется длительностью течения и тенденцией к прогрессированию, утяжелению вызванных болезнью нарушений психики.

Временное психическое расстройство охватывает различные по продолжительности болезненные процессы, оканчивающиеся выздоровлением. Основной признак временного расстройства – не его продолжительность, а принципиальная возможность полного выздоровления.

Слабоумие объединяет стойкие, необратимые расстройства познавательной деятельности с обеднением психики, поражением интеллекта, критических способностей, нарушениями личности. Различают врожденное (олигофрения) и приобретенное слабоумие.

К иному болезненному состоянию психики относят психические расстройства, не попавшие ни в одну из трех групп, но исключаящие вменяемость.

Психическое расстройство обуславливает невменяемость, когда достигает известной глубины (степени тяжести), определенной формулой юридического критерия, т.е. такого состояния, когда лицо не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) или руководить ими.

Ко второй категории лиц относятся вменяемые субъекты, заболевшие психической болезнью после совершения преступления, вследствие чего стало невозможно назначение либо исполнение наказания, так как данные лица утратили уголовно-процессуальную либо уголовно-исполнительную дееспособность.

Уголовно-процессуальная недееспособность заключается в неспособности лица, совершившего преступление, понимать происходящее в период следствия либо судебного разбирательства, давать показания и участвовать в совершении уголовно-процессуальных действий вследствие расстройства психической деятельности.

Уголовно-исполнительная недееспособность заключается в неспособности лица, совершившего преступление, понимать происходящее в период исполнения наказания и отбывать назначенное наказание вследствие расстройства психической деятельности.

В случае процессуальной либо уголовно-исполнительной недееспособности лица, совершившего преступление, принудительное лечение назначается до выхода из болезненного состояния. Если психическое заболевание имеет тяжелый и необратимый характер, суд с самого начала принимает решение об освобождении от наказания и при наличии показаний о применении принудительных мер медицинского характера.

К третьей категории относятся ограниченно вменяемые субъекты – это "лица, совершившие преступления и страдающие психическими расстройствами, не исключающими вменяемости" (п. "в" ч. 1 ст. 97 УК).

Одни психиатры (Горинов В. В., Шостакович Б. В.) считают, что к психическим расстройствам, не исключающим вменяемости, относятся: последствия черепно-мозговых травм, резидуальные состояния перенесенных ранее органических заболеваний мозга, начальные стадии церебрального атеросклероза и другие сосудистые заболевания головного мозга, а также неглубокие степени умственной отсталости (олигофрении). Другие авторы (Алмазов Б. Н., Кербиков О. В.) полагают, что ограниченно

вменяемыми в первую очередь могут быть признаны психопаты и олигофрены. Многие авторы ограничиваются общим указанием на пограничные нервно-психические расстройства. В целом разброс мнений о медицинском критерии ограниченной вменяемости настолько велик, что не позволяет юристам-практикам правильно сориентироваться в его содержании.

При наличии законных оснований суд вправе вынести обвинительный приговор и назначить ограниченно вменяемому лицу наказание наряду с принудительной мерой медицинского характера.

Что касается нового законодательства, то в соответствии ФЗ «О внесении изменений в Уголовный Кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 07.12.2011 № 420-ФЗ (ред. от 28.12.13) были внесены изменения в УК РФ, а именно в ст. 82.1.

Рассматриваемый вид освобождения от наказания является факультативным, поскольку зависит от усмотрения суда, и условным, так как к поведению освобожденного от наказания лица предъявляются определенные требования, в случае нарушения которых отсрочка может быть отменена судом. Отсрочка отбывания наказания является самостоятельной мерой уголовно-правового характера, применяемой к строго определенному законом кругу осужденных. Отсрочка отбывания наказания является правом, а не безусловной обязанностью суда. Отсрочка отбывания реального наказания может предоставляться следующим категориям лиц:

1. Осужденному к лишению свободы, признанному больным наркоманией, совершившему впервые преступление, предусмотренное частью первой статьи 228, частью первой статьи 231 и статьей 233 УК РФ, и изъявившему желание добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медико-социальную реабилитацию, суд может отсрочить отбывание наказания в виде лишения свободы до окончания лечения и медико-социальной реабилитации, но не более чем на пять лет.

2. В случае, если осужденный, признанный больным наркоманией,

отбывание наказания которому отсрочено, отказался от прохождения курса лечения от наркомании, а также медико-социальной реабилитации или уклоняется от лечения после предупреждения, объявленного органом, осуществляющим контроль за поведением осужденного, суд по представлению этого органа отменяет отсрочку отбывания наказания и направляет осужденного для отбывания наказания в место, назначенное в соответствии с приговором суда.

3. После прохождения курса лечения от наркомании и медико-социальной реабилитации и при наличии объективно подтвержденной ремиссии, длительность которой после окончания лечения и медико-социальной реабилитации составляет не менее двух лет, суд освобождает осужденного, признанного больным наркоманией, от отбывания наказания или оставшейся части наказания.

4. В случае установления судом факта совершения осужденным, признанным больным наркоманией, отбывание наказания которому отсрочено, преступления, не указанного в части первой настоящей статьи, суд по представлению органа, осуществляющего контроль за поведением осужденного, отменяет отсрочку отбывания наказания, назначает наказание по правилам, предусмотренным ч. 5 ст. 69 УК РФ, и направляет осужденного для отбывания наказания в место, назначенное в соответствии с приговором суда.

5. В случае, если в период отсрочки отбывания наказания осужденный, признанный больным наркоманией, совершил новое преступление, суд отменяет отсрочку отбывания наказания, назначает ему наказание по правилам, предусмотренным ст. 70 УК РФ, и направляет осужденного в место, назначенное в соответствии с приговором суда.

2.2 МЕРЫ БЕЗОПАСНОСТИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Принудительные меры медицинского характера таковыми обозначены в российском уголовном законодательстве и в теории российского уголовного права. Аналог данным мерам существует и в законодательстве зарубежных стран. Они обозначены как меры безопасности (Уголовный кодекс Польши), меры исправления и безопасности (УК ФРГ), меры безопасности, предусматривающие лишение свободы (УК Испании), изоляция дефективных правонарушителей, принудительное лечение алкоголиков, социальное восстановление наркоманов (США) и др.

При этом нормы одного государства в определении понятия принудительных мер медицинского характера, их разновидностей, целей и оснований применения отличаются от соответствующих норм других государств.

В этой связи представляет интерес сравнительный анализ уголовного законодательства, регламентирующего применение уголовно-правовых мер к лицам, совершившим общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, к лицам, страдающим заболеванием алкоголизмом, наркоманией, психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, с целью взаимного обогащения государств положительным опытом правового регулирования в данной сфере, выявления недостатков, пробелов в национальном законодательстве, дальнейшего развития и совершенствования внутреннего законодательства, а в перспективе и сближения законодательства различных государств, выработки единых международных принципов, положений в данной сфере.

Для законодательства зарубежных стран характерен институт мер исправления и безопасности, который шире, чем институт принудительных мер медицинского характера, существующий в Российской Федерации. Меры безопасности в зарубежных странах включают в себя также такие меры, как превентивное заключение, превентивный залог, запрещение посещать

питейные заведения, информирование о преступниках, руководящий надзор, лишение водительских прав, запрет заниматься определенной профессией и т.п.¹

Правовая природа рассматриваемых мер является спорным вопросом в уголовном праве зарубежных стран. Во многих из них меры безопасности фактически рассматриваются как альтернатива наказанию (США, Швейцария).

В основе назначения разнообразных видов так называемых "мер безопасности" лежит принцип соответствия, который заключается в соответствии назначаемой меры исправления и безопасности совершенному лицом или ожидаемому от него деянию и степени исходящей от него опасности.

Так, например, в Германии юристы придают большое значение системе мер исправления и безопасности, рассматривая ее, с одной стороны, как воплощение идей ресоциализации, а с другой, как раннюю профилактическую меру. Это помещение в психиатрическую больницу, помещение в терапевтическое учреждение для алкоголиков и наркоманов, превентивное заключение, руководящий надзор, лишение водительских прав, запрет заниматься определенной профессией. В тоже время, часть ученых Германии говорит о существующих мерах исправления и безопасности в отрицательном плане в связи с неясностью их правовой природы, невозможностью отграничить от наказания, репрессивностью этих мер, они не основаны на виновности лица.

УК Финляндии 1889 г. среди мер безопасности уголовно-правового характера называет: смирительное заведение, лишение права заниматься промыслом или профессией, конфискация имущества. Закон о душевнобольных 1952 г. предусматривает, что лицо, оправданное судом ввиду его невменяемости, может быть подвергнуто соответствующим

¹ Малиновский А.А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права.- М.: Междунар. отношения, 2002. С. 285-289.

предохранительным мерам, назначение которых относится к ведению административных органов, а не суда¹.

В основном среди категорий лиц, к которым применяются меры безопасности, в зарубежных странах обозначены лица, совершившие противоправные деяния в состоянии невменяемости, лица, страдающие заболеванием алкоголизмом, наркоманией.

Также уголовному законодательству зарубежных стран известен институт уменьшенной (ограниченной вменяемости). Например, УК Швейцарии 1937 г., Швеции 1964 г., Дании 1986 г., Франции 1992 г., Германии от 15 мая 1871 г. в редакции 1998 г., Польши 1998 г., Испании 1995 г., Латвийской Республики 1999 г. Уменьшенная вменяемость в различных формулировках признается уголовным законодательством Венгрии, Чехии, Югославии, Италии, Финляндии, стран Ближнего Востока (Иордания, Сирия), Южной Азии (Индия), Африки (Уганда). При этом применение мер медицинского характера к указанной категории лиц предусмотрено законодательством лишь отдельных стран.

Так, УК Швейцарии указывает, что суд по своему усмотрению может смягчить наказание указанной категории лиц (ст.11), и с учетом рекомендаций экспертов принять решение о помещении уменьшено вменяемого в больницу (ст. 14)².

УК Франции позволяет применить к лицу, признанному ограниченно вменяемым, меры медицинского характера. Эти лица должны содержаться в специализированном учреждении, режим которого совмещает режим тюремного заключения и проведение медико-психиатрических мероприятий.³

¹ Клюканова Т.Н. Уголовное право зарубежных стран: Германия, Франция, Финляндия. Общая часть. – СПб.: Издательство С.-Петербургского ун-та, 1996. – С. 24, 42.

² Бородин Ю.М., Антонян Ю.М. Преступное поведение и психические аномалии / Под ред. В.Н. Кудрявцева. – М.: Изд-во Спарк, 1998. – С. 144.

³ Крылова Н.Е. Основные черты уголовного кодекса Франции. – М.: Изд-во Спарк, 1996. – С. 45 – 46.

УК Латвийской Республики содержит положение о том, что лицам, которые находились в состоянии ограниченной вменяемости в момент совершения преступления, в зависимости от конкретных обстоятельств деяния суд может смягчить назначаемое наказание или освободить это лицо от наказания, при этом суд применяет предусмотренные законом принудительные меры медицинского характера.

В целом в большинстве зарубежных стран последствием признания уменьшенной вменяемости обвиняемого предусматривается смягчение наказания (например, УК Швеции, Дании, Германии, Японии, Польши, Испании). Однако практика зарубежных государств имеет опыт признания психических аномалий обстоятельствами отягчающими ответственность. На человека с психическими аномалиями как бы ложится дополнительная обязанность по более тщательному контролю за своими нездоровыми страстями. Эта позиция занималась определенное время Верховным судом ФРГ.¹

Согласно УК РФ лицам, совершившим деяния, предусмотренные УК, в состоянии невменяемости, у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказания, совершившим преступление и страдающим психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, признанным нуждающимися в лечении от алкоголизма, наркомании, принудительные меры медицинского характера назначаются только в случаях, когда психические расстройства связаны с возможностью причинения этими лицами иного существенного вреда либо с опасностью для себя или других лиц. Целями применения принудительных мер медицинского характера в уголовном праве РФ названы – излечение вышеуказанных лиц или улучшение их психического состояния, а также предупреждение совершения ими новых противоправных деяний.

¹ Шишков С. Об ограниченной (уменьшенной) вменяемости // Российская юстиция. – 1995. – №2. – С. 21.

В целом по данному вопросу принципиальных отличий в российском законодательстве и в законодательстве зарубежных стран нет.

Так, например, согласно ст. 93 УК Польши, суд может назначить меру безопасности, связанную с помещением в закрытое учреждение только тогда, когда это необходимо для предотвращения совершения лицом нового запрещенного деяния, связанного с его психическим заболеванием, умственной отсталостью или зависимостью от алкоголя или другого одурманивающего вещества.

В соответствии с §63 УК ФРГ лицо, совершившее противоправное деяние в состоянии невменяемости или уменьшенной вменяемости, помещается в психиатрическую больницу. Суд выносит такое решение, если приходит к выводу, что лицо вследствие своего психического состояния может совершить серьезные противоправные деяния и поэтому оно опасно для общества.

Согласно статье 43 УК Швейцарии суд может вынести предписание о направлении душевнобольного, совершившего деяние, наказуемое каторжной тюрьмой или тюремным заключением, в лечебное учреждение или приют. Суд учитывает психическое состояние лица, а также необходимость осуществления за ним врачебного наблюдения или особого ухода. Целью данной меры является предотвращение или уменьшение опасности совершения этим лицом новых противоправных деяний.

Интересным представляется подход в законодательстве некоторых зарубежных стран к конкуренции мер безопасности и наказания.

Так, согласно УК Польши лицо, совершившее преступление в состоянии ограниченной вменяемости, помещается в пенитенциарное учреждение, в котором применяются специальные лечебные или реабилитационные средства. Если лечение дало положительные результаты, то суд может досрочно освободить лицо, осужденное к наказанию в виде лишения свободы до трех лет. При этом за лицом устанавливается надзор. Лицо, страдающее заболеванием алкоголизмом, наркоманией, по постановлению суда

помещается в закрытое лечебное учреждение для прохождения курса лечения, если имеется вероятность совершения им нового преступления, и если лицо осуждено к наказанию в виде лишения свободы до двух лет. При положительных результатах суд условно освобождает осужденного от отбывания оставшейся части наказания. При этом в период испытательного срока суд может также обязать пройти еще курс амбулаторного лечения или реабилитации, передав лицо под надзор куратора или общественной организации. При нарушении осужденным условий испытательного срока (уклонении от лечения, реабилитации, совершении преступления, нарушения режима лечебно-реабилитационного учреждения) суд выносит постановление о помещении его в закрытое учреждение для прохождения курса лечения либо в пенитенциарное учреждение.

Параграф 67 УК ФРГ предусматривает, что назначенная мера безопасности (помещение в психиатрическую больницу или в лечебное учреждение для алкоголиков) выполняется перед мерой наказания. По решению суда, если цель меры безопасности будет достигнута таким образом лучше, наказание выполняется перед мерой исправления и безопасности. Уголовный кодекс Германии также предусматривает возможность условной отсрочки мер безопасности в случае, если суд придет к выводу о возможности достижения цели мер безопасности без помещения лица в лечебное учреждение. Срок отсрочки варьируется от двух до пяти лет. В случае нарушения условий условного освобождения суд решает вопрос о реальном исполнении данной меры.

Уголовное законодательство Российской Федерации предусматривает виды принудительных мер медицинского характера. Это амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у психиатра, принудительное лечение в психиатрических стационарах общего, специализированного типа, специализированного типа с интенсивным наблюдением. При этом лицам, совершившим преступление в состоянии вменяемости, но признанным нуждающимся в лечении от алкоголизма, наркомании либо в лечении

психических расстройств, не исключая вменяемости, суд наряду с наказанием может назначить принудительную меру медицинского характера только в виде амбулаторного наблюдения и лечения у психиатра.

В уголовных кодексах зарубежных стран также предусмотрены виды мер безопасности, которые условно можно разделить на амбулаторные и на связанные с помещением лица в специализированные лечебные учреждения.

В частности, УК Польши разграничивает виды мер безопасности по категориям лиц. Так, лица, совершившие противоправные деяния в состоянии невменяемости и представляющие значительную общественную вредность, помещаются в психиатрические учреждения. Лица, совершившие преступления в состоянии ограниченной вменяемости, помещаются в пенитенциарное учреждение, где предусмотрены специальные лечебные и реабилитационные средства. Лица, совершившие преступление в состоянии, обусловленном зависимостью от алкоголя, по решению суда помещаются в закрытое учреждение для прохождения курса лечения.

Уголовное право Германии предусматривает виды принудительных мер медицинского характера - помещение лица в психиатрическую больницу и помещение лица в лечебное заведение для алкоголиков или наркоманов. Лицо, совершившее преступление в состоянии уменьшенной вменяемости также может быть помещено в психиатрическую больницу, если оно вследствие своего психического расстройства может совершить серьезные противоправные деяния и опасно для общества. В лечебное заведение для алкоголиков или наркоманов согласно §64 УК ФРГ помещается лицо, склонное к чрезмерному употреблению спиртных напитков и других опьяняющих веществ, совершившее противоправное деяние в состоянии опьянения или в результате этой склонности и если имеется опасность, что данное лицо в силу своей склонности будет совершать серьезные противоправные деяния. УК ФРГ устанавливает последовательность исполнения наказания, при котором мерам безопасности отдается приоритет перед мерой наказания.

Согласно ст. 43 УК Швейцарии суд может применить к душевнобольному лицу, совершившему деяние, наказуемое каторжной тюрьмой или тюремным заключением, принудительные меры медицинского характера в виде помещения в лечебное учреждение или в приют. В случае отсутствия угрозы для общества со стороны больного суд применяет к нему амбулаторное лечение. В лечебное заведение для алкоголиков помещаются лица, страдающие алкоголизмом и совершившие в зависимости от этого преступление. При наличии достаточных оснований суд может назначить амбулаторное лечение. При этом он одновременно отсрочивает исполнение наказания в виде лишения свободы, с последующим решением вопроса об условном освобождении лица из лечебного учреждения под охранительный надзор.

Особенностью УК Швейцарии является добровольный характер такой меры безопасности, как помещение лица, страдающего наркоманией и совершившего преступление, в лечебное учреждение. Лицо при этом направляется на лечение только по собственному ходатайству с отсрочкой исполнения наказания.

УК Испании в качестве мер безопасности предусматривает лечение или получение специального образования в учреждении, соответствующем психической аномалии лица, совершившего противоправное деяние в состоянии невменяемости. Лицо, совершившее преступление в состоянии сильного алкогольного (наркотического) опьянения, помещается в государственный или частный восстановительный центр для алкоголиков и наркоманов.

Интересно положение УК Испании, согласно которого продолжительность нахождения в лечебном учреждении не должна превышать срок наказания в виде лишения свободы, который мог бы быть назначен по приговору за совершение деяния. Если лицо совершило противоправное деяние, наказание за которое не предусматривает лишение

свободы, суд назначает амбулаторное лечение. При этом мера безопасности засчитывается за исполнение наказания.

УК Франции в зависимости от тяжести совершенного алкоголиком решает вопрос либо он остается на свободе под надзором диспансера психической гигиены, либо принудительно помещается в один из центров специализированного перевоспитания до того времени, когда он снова может вернуться к нормальной жизни.

В англо-саксонском праве к лицам, совершившим преступление, караемое тюремным заключением, признанным привычным алкоголиком, суд может в дополнении к приговору или вместо него назначить направление на срок не свыше трех лет в государственный или частный реформаторий для алкоголиков. Если лицо совершило нетяжкое преступление и степень наркотической зависимости небольшая мера медицинского характера может быть назначена амбулаторно только при согласии преступника. В противном случае суд назначает меру наказания. В частности, в Англии одним из видов мер безопасности является направление лица на срок до трех лет в специальное заведение для алкоголиков, если: лицо осуждено за преступление, преследуемое по обвинительному акту; суд признает, что преступление было совершено под влиянием опьянения и сам преступник или присяжные считают, что он "привычный пьяница"¹.

Сравнительный анализ уголовного законодательства некоторых зарубежных стран и России показал, что вопрос осуществления мер безопасности в отношении лиц, страдающих заболеванием алкоголизмом, наркоманией в них урегулирован более подробно.

В главе 15 УК России 1997 года вопросам назначения принудительных мер медицинского характера лицам, совершившим преступления и признанным нуждающимися в лечении от алкоголизма и наркомании, уделено гораздо меньше внимания, чем даже в УК РСФСР 1960 года.

¹ Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право современных зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии): Учебное пособие. – М.: Зерцало, 1997. – С. 121, 159.

Мировая практика свидетельствует, что запретительными, ограничительными мерами противостоять угрозе здоровью населения в виде наркомании, алкоголизма не возможно. В Российской Федерации в последнее время наблюдается лишь ужесточение силовых методов борьбы с наркоманией на фоне ухудшения материальной базы наркологической службы и явных пробелов законодательства.

В целях совершенствования внутреннего законодательства необходимо обратить внимание на положения законодательства зарубежных стран о возможности отсрочки исполнения наказания лицам, к которым применяются меры безопасности в виде лечения от алкоголизма, наркомании, с установлением надзора за ними и последующим освобождением от наказания. Это имеет большое профилактическое значение.

В заключение необходимо подчеркнуть, что изучение и сравнительный анализ уголовного законодательства различных стран становится еще более актуальным в условиях интеграции мирового сообщества, усиления влияния международно-правовых норм на внутригосударственные правовые системы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе была предпринята попытка, комплексно и системно рассмотреть вопросы преступности лиц с психическими аномалиями, а также раскрыть основные правовые категории, связанные с этой темой.

Исследование данной темы показало, что преступность лиц, имеющих дефекты психики, является проблемной теоретически и организационно-практически.

На основании изложенного в работе, можно отметить следующее, вменяемость является неотъемлемым признаком субъекта преступления, при отсутствии которого уголовная ответственность в отношении лица, совершившего преступное деяние, не наступает.

Кроме того, вменяемость по отношению к невменяемости – более широкое и более емкое понятие, которое требует своего дальнейшего изучения и уточнения. Вменяемым может быть признан и не только психически здоровый человек, но и лицо, имеющее какие – либо психические расстройства, однако дающие ему возможность в момент совершения преступления осознанно и правильно оценивать свои действия в той или иной конкретной обстановке или ситуации.

Понятие невменяемости раскрывается, посредством наличия совокупности двух критериев: юридического и медицинского. Следовательно, для признания лица невменяемым судебно-психиатрической экспертизе, а в дальнейшем суду, основываясь на экспертном заключении, необходимо установить наличие как медицинского, так и юридического критериев во время совершения лицом общественно опасного деяния.

Невменяемость определяется не только самим фактором совершения преступного деяния, но и прежде всего наличием у данного лица во время его совершения хронического или временного психического расстройства, слабоумия или другого болезненного состояния психики, охватываемых не

только медицинским, но и юридическим критериями, определяемыми судебно-психиатрической экспертизой.

Таким образом, не психические аномалии сами по себе активно способствуют преступному поведению, а те психологические особенности личности, которые формируются под их влиянием. То есть психические расстройства не ведут напрямую к преступлению без преломления через психологию субъекта.

Исходя из изложенного, можно выделить ряд факторов, усугубляющих преступное поведение лиц с психическими аномалиями:

- психические аномалии препятствуют усвоению социальных норм, регулирующих поведение людей
- затрудняют получение высокой квалификации и образования, выполнение отдельных социальных ролей.

Наличие психических аномалий предопределяет особенности реагирования на конкретные жизненные ситуации.

Суд же, установив фактические обстоятельства по уголовному делу и принимая во внимание заключение судебно-психиатрической экспертизы в соответствии с уголовным и уголовно-процессуальным законодательством, окончательно приходит к решению (выводу) о вменяемости или невменяемости того или иного лица во время совершения, им инкриминируемого деяния.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что состояние невменяемости лица во время совершения им общественно опасного деяния является обстоятельством, исключающим признание его субъектом преступления.

Уголовная же ответственность в отношении лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости, как и при полной вменяемости, наступает, когда лицом совершается конкретное общественно опасное деяние, так как и в первом, и во втором случаях налицо субъект преступления, который отсутствует при совершении уголовного деяния невменяемым лицом при наступлении или отсутствии вредных последствий.

Таким образом, совершение лицом с психическим расстройством, не исключающим вменяемости, преступления влечет как уголовную ответственность, так и отбывание наказания, а само психическое отклонение учитывается судом и может служить основанием для назначения, как было отмечено, принудительных мер медицинского характера.

Принудительное лечение или принудительные меры медицинского характера применяются по решению суда в отношении страдающих психическими расстройствами лиц, которые совершили общественно опасные деяния.

Однако сами принудительные медицинские меры не являются мерами уголовного наказания, хотя они, как и наказание, относятся к мерам государственного принуждения и могут назначаться только в рамках производства по уголовному делу в порядке, установленном УПК РФ.

В качестве основного признака, положенного в основу выбора вида принудительных мер медицинского характера выступает степень опасности больного для себя и окружающих по принципу – чем выше опасность, тем строже должен быть вид принудительного лечения.

Но, несмотря на множество монографий, посвященных преступности лиц с психическими аномалиями, на обилие различных точек зрения на такие понятия как вменяемость, невменяемость, ограниченная вменяемость, уголовная ответственность, субъект преступления и другие понятия, связанные с преступностью лиц с расстройством психики, а также на обновленное законодательство в этой сфере. Все равно остается ряд неурегулированных вопросов, так новое законодательство оказалось не свободным от существенных недостатков. Ряд из них затрагивает принципиальные и важные аспекты принудительного лечения, в результате чего отдельные соответствующие законодательные нормы даже менее удачны, нежели соответствующие нормы законодательства РСФСР.

Для законодательства зарубежных стран характерен институт мер исправления и безопасности, который шире, чем институт принудительных

мер медицинского характера, существующий в Российской Федерации. Меры безопасности в зарубежных странах включают в себя также такие меры, как превентивное заключение, превентивный залог, запрещение посещать питейные заведения, информирование о преступниках, руководящий надзор, лишение водительских прав, запрет заниматься определенной профессией и т.п.

Правовая природа рассматриваемых мер является спорным вопросом в уголовном праве зарубежных стран. Во многих из них меры безопасности фактически рассматриваются как альтернатива наказанию (США, Швейцария).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Раздел 1. Нормативно-правовые акты

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. // Российская газета. – 1993. – № 237.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63–ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – ст. 2954.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 30.03.2016) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
4. Федеральный закон РФ «О психиатрической помощи и гарантии прав граждан при ее оказании» от 02.07.1992 № 3185-1 (ред. от 28.11.2015) // Российская газета. – 1998. – 29 июля. – № 142.
5. Федеральный Закон РФ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ (в ред. от 08.03.2015) // Российская газета. – 2001. – 05 июня. – № 106.

Раздел 2. Литература

6. Алмазов, Б.Н., Волостнов, П.А. Способность быть виновным в новых категориях уголовного законодательства Российской Федерации / Б.Н. Алмазов, П.А. Волостнов // Российский юридический журнал. – 1998. – № 2. – С. 21.
7. Антонян, Ю.М., Виноградов, М.В., Голумб, Ц.А. Преступность и психические аномалии / Ю.М. Антонян, М.В. Виноградов, Ц.А. Голумб // Советское государство и право. – 1979. – № 7. – С. 100.
8. Антонян, Ю.М., Бородин, С.В. Преступное поведение и психические аномалии / Ю.М. Антонян, С.В. Бородин. – М.: Норма, 1998. – 346 с.

9. Аргунова, Ю. Применение нормы об ограниченной вменяемости / Ю. Аргунова // Российская юстиция. – 1999. – № 7. – С. 40-42.
10. Аргунова, Ю.Н. Норма об ограниченной вменяемости в судебно-следственной практике / Ю.Н. Аргунова // Независимый психиатрический журнал. – 1998. – №1. – С.56-60.
11. Артеменко, И.В. Актуальные проблемы вменяемости (невменяемости) и возраста уголовной ответственности (сравнительный историко-правовой анализ уголовного законодательства РФ и Франции): дисс... канд. юр. наук / И.В. Артеменко. – Ростов-на-Дону, 2007. – 236 с.
12. Балабанова, Л.М. Судебная патопсихология. Вопросы определения нормы и отклонений: Монография / Л.М. Балабанова. – М., Донецк: Сталкер, 1998. – 429 с.
13. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях. Биографический очерк и перевод проф. М.М. Исаева / Ч. Беккариа. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1939. – 464 с.
14. Богомягков, Ю.С. Уголовно-правовая невменяемость: критерии и признаки / Ю.С. Богомягков // Советское государство и право. М.: Наука, 1989. – № 4. – С. 103-108.
15. Большая Медицинская Энциклопедия. Т. 16. / Под ред. А. Н. Бакулева. – М., 2000. – 23572 с.
16. Бородин, Ю.М., Антонян, Ю.М. Преступное поведение и психические аномалии / Под ред. В.Н. Кудрявцева. – М.: Изд-во Спарк, 1998. – 215 с.
17. Брайнин, Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве / Я.М. Брайнин. – М.: Госюриздат, 1963. – 275 с.
18. Голоднюк, М.Н. Развитие российского законодательства о принудительных мерах медицинского характера / М.Н. Голоднюк // Вестник Московского университета. – 1998. – № 5. – С. 43 – 52.

19. Голумб, Ц.А. Насильственные преступления, совершенные лицами с психическими аномалиями и профилактика этих преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ц.А. Голумб. – Л., 1982. – 12 с.
20. Гомонов, Н.Д. Криминологические аспекты противоправного поведения лиц с психическими девиациями: дис. ... канд. юрид. наук / Н.Д. Гомонов. – С.-Пб., 1999. – 264 с.
21. Зиядова, Д. З. Некоторые правовые аспекты предупреждения преступности несовершеннолетних / Д. З. Зиядова // Вопросы ювенальной юстиции. – 2006. – № 3. – С. 40 – 42.
22. Брыка, И., Иванов, Н. Ограниченная вменяемость / И. Брыка, Н. Иванов // Российская юстиция. – 1998 – № 10. – С. 9-10
23. Мустаханов, Р. Вопросы ограниченной вменяемости по УК РФ / Р. Мустаханов // Законность. – 1998. – № 7. – С. 44.
24. Кандинский, В.Х. К вопросу о невменяемости / В.Х. Кандинский. – М.: Статут, 2002. – 432 с.
25. Карпец И.И. Соотношение криминологии, уголовного и исправительно-трудового права / И.И. Карпец // Советское государство и право. – М.: Наука, 1981. – № 4. – С. 71-79.
26. Ключанова, Т.М. Уголовное право зарубежных стран: Германия, Франция. Финляндия / Т.М. Ключанова. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1996. – 64 с.
27. Комментарий к законодательству РФ в области психиатрии / Под ред. Т.Б. Дмитриевой. – М.: Спарк. 2002. – 363 с.
28. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под ред. Наумова А.В. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 241 с.
29. Крылова, Н.Е. Основные черты нового Уголовного кодекса Франции / Н.Е. Крылова. – М.: Спарк, 1996. – 124 с.
30. Крылова, Н.Е., Серебренникова, А.В. Уголовное право современных зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии). Учебное

- пособие / Н.Е. Крылова, А.В. Серебренникова. – М.: Зерцало, 1997. – 192 с.
- 31.Кубанцев, С.П. Волевой признак невменяемости в свете решений Верховного суда США / С.П. Кубанцев // Право и политика. – 2005. – № 2. – С. 123-133.
- 32.Кудрявцев, И.А. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза (научно-практическое руководство) / И.А. Кудрявцев. – М., Изд-во МГУ, 1999. – 496 с.
- 33.Малиновский, А.А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права / А.А. Малиновский. – М.: Междунар. отношения, 2002. – 376 с.
- 34.Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. Т. 20. –626 с.
- 35.Метелица, Ю.Л., Шишков, С.И. Значение категории понимания в судебной психиатрии / Ю.Л. Метелица, С.И. Шишков // Психологический журнал. – 1989. – № 5. – С. 75-81.
- 36.Назаренко, Г.В. Невменяемость в уголовном праве: дисс. ... канд. юр. наук / Г.В. Назаренко. – Орел. 1992. – 256 с.
- 37.Назаренко, Г.В. Принудительные меры медицинского характера в уголовном праве. Учебное пособие / Г.В. Назаренко. – М.: Ось-89, 2000. – 80 с.
- 38.Назаренко, Г.В. Уголовно-релевантные психические состояния лиц, совершивших преступления и общественно опасные деяния. Монография / Г.В. Назаренко. – М.: Ось-89, 2001. – 240 с.
- 39.Назаренко, Г.В. Эволюция понятия невменяемости / Г.В. Назаренко // Государство и право. – 1993. – № 3. – С. 61-67.
- 40.Николаева, Т.Н. Клинико-социальные характеристики лиц с умственной отсталостью, к которым была применена ст. 22 УК РФ / Т.Н. Николаева. – М.: Спарк, 2006. – 102 с.
- 41.Павлов, В.Г. Субъект преступления / В.Г. Павлов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 436 с.

- 42.Первомайский, В.Б. Критерии невменяемости и пределы компетенции психиатра-эксперта / В.Б. Первомайский // Советское государство и право. – 1991. – № 5. – С. 68–76.
- 43.Алиев, З.Г., Ревин, В.П. К вопросу о понятии и уголовно-правовом значении фактической ошибки / З.Г. Алиев, В.П. Ревин // Российский следователь. – М.: Юрист, 2007. – № 1. – С. 13-14.
- 44.Сирожидинов, Д.В. Ограниченная вменяемость: вопросы теории и практики: дисс. ... канд. юр. наук / Д.В. Сирожидинов. – Екатеринбург, 1998. – 264 с.
- 45.Таганцев, Н.С. Русское уголовное право: Часть общая. Лекции. Т. 2 / Н.С. Таганцев. - 2-е изд., пересмотр. и доп. – С.-Пб.: Гос. Тип., 1902. – 656 с.
- 46.Уголовное право России. Часть общая: учебник для вузов (издание второе, переработанное и дополненное) / Под ред. Л.Л. Кругликова. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 839 с.
- 47.Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник (издание исправленное и дополненное) 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. – М.: Контракт, Инфра-М, 2008. – 560 с.
- 48.Фейербах, А. Уголовное право: Кн. 2: Содержащая положительную или особенную часть уголовного права. Перевод с немецкого. Кн. 1 - 3 / П.А. Фейербах. – С.-Пб.: Медицинская тип., Тип. Гос. Комерц-коллегии, Тип. Имп. Воспит. дома, 1811. – 616 с.
- 49.Фейнберг, Ц.М. Учение о вменяемости в различных школах уголовного права и в судебной психиатрии / Ц.М. Фейнберг. – М.: Юрлитиздат, 1946. – 328 с.
- 50.Дьяченко, А., Цымбал, Е. Возрастная невменяемость: теория и практика применения / А. Дьяченко, Е. Цымбал // Уголовное право. – 2000. – № 3. – С. 43 – 50.

- 51.Чередниченко, Е.Е. Принципы уголовного законодательства: понятие, система, проблемы законодательной регламентации / Е.Е. Чередниченко. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 192 с.
- 52.Шахриманьян, И.К. Невменяемость по советскому уголовному праву: дисс. на соиск. уч. степ. канд. юр. наук / И.К. Шахриманьян. – Л., 1961. – 236 с.
- 53.Шишков, С.Н. Об ограниченной (уменьшенной) вменяемости / С.Н. Шишков // Российская юстиция. – 1995. – № 2. – С. 20-21.
- 54.Шишков, С. Н. Общественно опасное поведение, уголовная юстиция и судебная психиатрия: послесловие переводчика / С.Н. Шишков // Философская и социологическая мысль. – 1991. – № 7. – С. 111 – 115.
- 55.Якушин, В.А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве / В.А. Якушин. – Тольятти: ТолПИ, 1998. – 296 с.

Раздел 3. Постановления Высших судебных инстанций и материалы судебной практики.

- 56.Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» от 22 декабря 2015 г. № 58 // Российская газета. – 2015. – 29 декабря. – № 295.
- 57.Кассационное определение Верховного Суда РФ от 16 октября 2006 года дело № 46-о06-84 // Бюллетень Верховного Суда. – 2007. – №7. – С.16.
- 58.Определение Верховного Суда Российской Федерации от 30 марта 2004 года по делу № 4-о04-37 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2005. – №6. – С.27.
- 59.Определение Верховного Суда РФ от 24 мая 2007 года по делу № 35-о07-25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2007. – № 11. – С.9.

60.Определение судебной коллегии Верховного Суда РФ от 18 января 2007 года по делу № 48-о06-123// Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2007. – №4. – С.17.